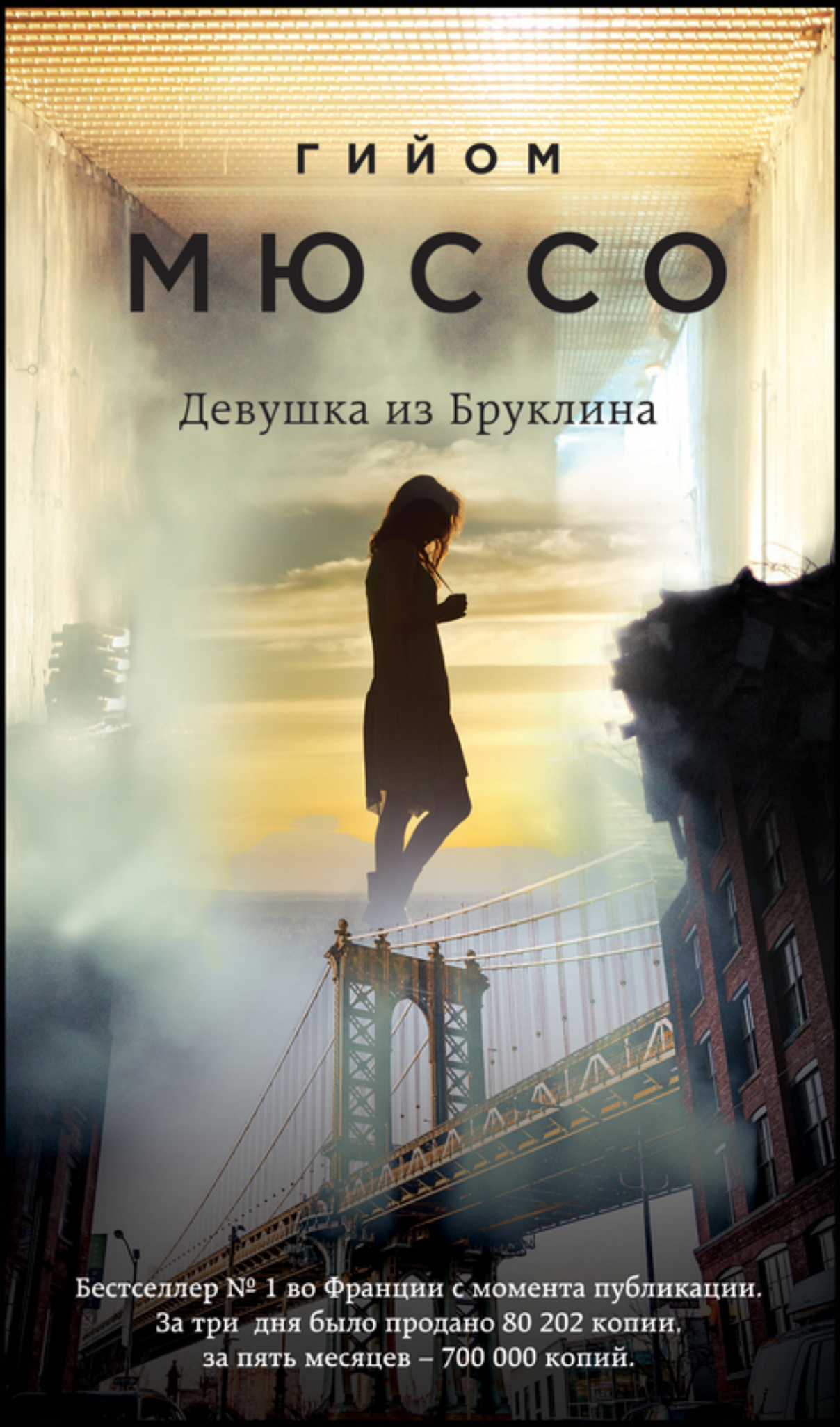
ГИЙОМ

МЮССО

Девушка из Бруклина



Бестселлер № 1 во Франции с момента публикации.
За три дня было продано 80 202 копии,
за пять месяцев – 700 000 копий.

Гийом Мюссо

Девушка из Бруклина

«Эксмо»

2016

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Мюссо Г.

Девушка из Бруклина / Г. Мюссо — «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-93508-6

Рафаэль был уверен, что Анна – та женщина, с которой он готов прожить всю жизнь, деля с ней горе и радость. Но один вечер за несколько недель до свадьбы все перевернул – Рафаэль не хотел, чтобы между ними были тайны, и Анне пришлось показать ему одно фото. Увиденное буквально оглушило Рафаэля. Поняв это, Анна исчезла. Теперь ему нужно во что бы то ни стало ее отыскать. Но для этого придется распутать целый клубок страшных событий и узнать, кто же Анна на самом деле и что с ней произошло много лет назад.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-699-93508-6

© Мюссо Г., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Куда она исчезла?. 6
День первый 9
1 9
1 9
2 11
3 12
4 13
2 16
1 16
2 18
3 18
4 19
3 21
1 21
2 22
3 23
4 24
4 26
1 26
2 28
3 30
4 32
5 35
5 39
1 39
2 40
3 42
6 43
1 43
2 44
3 46
4 47
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Гийом Мюссо
Девушка из Бруклина

Посвящается Ингрид и Натану

Guillaume Musso
LA FILLE DE BROOKLYN
Copyright © XO Éditions, 2016. All rights reserved.
© Кожевникова Е., перевод на русский язык, 2017
© Шарикова Г., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление. ООО Издательство «Э», 2017

Куда она исчезла?.

Антиб

Среда, 31 августа 2016 года

Длинный уикенд на Лазурном Берегу за несколько недель до свадьбы. Мы проживали их как блаженное вступление, радующую близость, согретую августовским солнцем.

Вечер начался чудесной прогулкой по форту старого города: стаканчик мерло на террасе кафе, спагетти с моллюсками под старинными каменными сводами времен Микеланджело. Мы говорили о твоей работе, о моей и о нашей свадьбе. Отпраздновать ее мы собирались в самом узком кругу: двое друзей-свидетелей и мой сынишка Тео, чтобы похлопать нам в ладоши.

На обратной дороге я сидел за рулем взятой напрокат машины, ехал медленно, чтобы ты успела налюбоваться видом побережья. Мне запомнились эти мгновения: свет зеленых глаз, развевающиеся волосы, короткая юбка, кожаный жилет, распахнутый на ярко-желтой майке с надписью «Power to the People[1]». На поворотах, переключая скорость, я смотрел на твои золотистые ноги, мы улыбались друг другу, ты напевала старый хит Ареты Франклин.

Было так тепло, так славно… Мне запомнились эти мгновения: искорки в глазах, улыбка, волосы, летящие по ветру, тонкие пальцы, отбивающие ритм на панели…

Мы сняли домик в «Ловцах жемчуга», красивом местечке с десятком вилл, смотрящих на Средиземное море. И когда поднимались по аллее, вдыхая смолистый запах сосен, у тебя широко раскрывались глаза – так красиво все было вокруг.

Мне запомнились эти мгновения: мы в последний раз тогда были счастливы.

* * *

Стрекотанье цикад. Убаюкивающий шум прибоя. Легкий ветерок, что смягчает влажное тепло вечера.

На террасе, прижавшейся к скалистому склону, ты зажгла душистые свечи и спираль против комаров, я поставил диск Чарли Хейдена. Как в романе Фицджеральда, я встал за стойку бара и стал готовить для нас коктейль. Твой любимый: «Лонг-Айленд айс ти», много-много льда и ломтик лайма.

Я редко видел тебя такой радостной.

Мы могли бы провести прекрасный вечер. Мы должны были провести прекрасный вечер. Но мне не давала покоя одна мысль. До поры до времени я держал ее под контролем. Но она не отпускала меня. Назойливо твердила одно и то же: «Знаешь, Анна, у нас не должно быть друг от друга секретов».

Почему желание знать *правду* одолело меня именно в этот вечер? Из-за близости свадьбы? Из-за того, что мы слишком быстро решились на этот шаг? Из-за боязни переступить порог?

Думаю, все вместе сыграло свою роль – и еще моя личная история, когда меня предали люди, которых, как мне казалось, я хорошо знал.

Я протянул тебе стакан и сел напротив.

– Я говорю серьезно, Анна, я не хочу жить во лжи.

– Надо же! И я тоже. Но жить без лжи не значит не иметь секретов.

– Значит, ты признаешь: у тебя есть секреты.

[1] «Власть народу» (*англ.*).

– У кого их нет, Рафаэль? Секреты – это прекрасно. Они – пограничные столбы, частичка нашей личности, кусочек прожитой жизни; они придают таинственности.

– Но у меня от тебя нет секретов.

– И что из этого?

Ты расстроилась, рассердилась. И я тоже. Куда подевалась наша радость, веселье? А нам было так хорошо в начале вечера…

Разговор мог бы на этом кончиться, но я продолжил, выложив новые аргументы. Я не мог остановиться, я должен был получить ответ на мучивший меня вопрос:

– Почему ты уходишь от ответа, как только я спрашиваю тебя о прошлом?

– Потому что прошлое прошло. Это аксиома. И его не изменишь.

Ответ мне не понравился.

– Прошлое определяет настоящее, и ты это прекрасно знаешь. Что ты от меня скрываешь, черт возьми?!

– Ничего, что могло бы грозить нам с тобой. Поверь мне. Поверь *нам* с тобой!

– Перестань отделываться общими фразами!

Я стукнул кулаком по столу, и ты вздрогнула. Сколько разных чувств волной пробежало по твоему красивому лицу – и скорбь, и страх тоже…

Я злился, потому что мне очень хотелось успокоиться. Мы были знакомы всего полгода, и с нашей первой встречи я полюбил в тебе все. И больше всего – таинственность, сдержанность, молчаливость и твой независимый нрав… Но бумеранг вернулся. Теперь твоя таинственность и сдержанность угнетала и мучила меня.

– Почему тебе так хочется все испортить? – спросила ты с непередаваемой усталостью в голосе.

– Ты знаешь, что я пережил. Я уже ошибался. И теперь ошибиться не имею права.

Я чувствовал, что причиняю тебе боль, но верил: я так тебя люблю, что могу выслушать все – и все понять. Я хотел утешить тебя, разделить с тобой тяжкую ношу прошлого, если ты мне ее доверишь.

Мне бы замолчать, прекратить разговор, но я не остановился. Я не пощадил тебя. Я почувствовал, что ты вот-вот что-то мне скажешь. И я посылал стрелу за стрелой, я изматывал тебя, чтобы ты перестала защищаться.

– Я хочу только правды, Анна!

– Правда! Правда! Ты только и знаешь, что твердишь слово «правда»; а ты уверен, что сможешь ее выдержать?!

Теперь нападала ты, и я невольно засомневался. Я не узнавал тебя. У тебя потекла тушь, а в глазах полыхал огонь, какого я никогда не видел.

– Ты хочешь знать, есть ли у меня секреты, Рафаэль? Отвечаю – есть! Ты хочешь знать, почему я не хочу их открыть? Потому что, узнав, ты не просто разлюбишь меня, ты меня возненавидишь!

– Неправда, я все пойму.

В этот миг я в себе не сомневался. Я был уверен, что приму все, что бы ты мне ни сказала.

– Нет, Рафаэль, это все слова. Слова из твоих романов, а жизнь – она совсем другое.

Что-то сдвинулось с места. В плотине приоткрылся шлюз. И ты – я ощутил это совершенно ясно, – ты захотела узнать, что я собой представляю. Ты тоже решила узнать, что я такое. И будешь ли ты любить меня дальше. После. Всегда. И вправду ли я люблю тебя. Или граната, которую ты приготовила, разорвет нашу связь.

Ты порылась в сумке и достала планшет. Набрала пароль, открыла галерею и не спеша стала листать фотографии, отыскивая нужную тебе. А потом, глядя мне в лицо, тихо произнесла несколько слов и протянула планшет. Я увидел секрет, которого так от тебя добивался.

– И сделала это я, – повторила ты.

Я в ужасе зажмурился, не желая видеть экрана; тошнота подступила к горлу, и я отвернулся. Ледяные мурашки побежали по телу, руки дрожали, кровь била в виски. Я был готов ко всему. Мне казалось, я пережил все, что можно. Но о *таком* я не думал никогда.

Я встал и почувствовал, что ноги у меня ватные. Голова закружилась, когда я шагнул, но я собрался и вышел из гостиной твердым шагом.

Моя сумка с вещами еще лежала в прихожей. Не глядя на тебя, я взял ее и покинул дом.

* * *

Отупение. Гусиная кожа. Жестяной вкус во рту. На лбу ледяные капли.

Я захлопнул дверцу машины и двинулся в ночь. Автоматически. Гнев и горечь перехватили горло. В голове сумбур. Жуть, увиденная на фотографии. Я ничего не понимаю. Знаю только одно: моей жизни конец.

Проехал несколько километров и заметил на вершине утеса строгий силуэт форта Карре. Мощная крепость. Последний дозорный перед выходом в море.

Нет. Я не мог так уехать. Я уже раскаивался, что просто взял и ушел. Я был в шоке. Я потерял самообладание, но я не мог уйти, не выслушав твоих объяснений. Я нажал на тормоз и развернулся прямо поперек шоссе, едва не сбив мотоциклиста, мчавшегося по встречной полосе.

Я должен был поддержать тебя, помочь избавиться от кошмара. Я должен был быть таким, каким себе представлялся: понимающим твою боль, способным разделить ее и помочь преодолеть. С предельной скоростью я мчался обратно: бульвар дю Кап, пляж Онд, порт Оливетт, башня Грайон, а затем узкий проселок, ведущий к частным домам.

– Анна! – позвал я, войдя в прихожую.

В гостиной никого. На полу осколки стекла. Этажерка с безделушками упала на журнальный столик и разбила стекло вдребезги. А поверх этажерки лежит связка ключей, которые я дал Анне несколько недель назад.

– Анна!

Большое окно за шторами стояло распахнутым. Я раздвинул бьющиеся на ветру шторы и вышел на террасу. И снова звал тебя, крича в пустоту. Набрал твой номер в мобильнике, но ответа не получил.

Обхватив голову руками, я стоял на коленях. Где же ты? Что произошло за те полчаса, пока меня не было? Какой сундук Пандоры я открыл, коснувшись твоего прошлого?

Я закрыл глаза, и побежали картинки нашей с тобой жизни. Полгода счастья, которое теперь ушло навсегда. Будущее, жена, наш ребенок – больше ничего нет, впереди пустота.

Как же я раскаивался…

Зачем говорить, что любишь, если не можешь защитить?..

День первый
Искусство прятаться

1
Бумажный человек

Если у меня в руках нет книги, если я не думаю о той, какую напишу, я готов завыть от тоски. Жизнь можно терпеть, только если от нее спрячешься.
Гюстав Флобер

1

Четверг, 1 сентября 2016 года

– Моя жена каждую ночь спит с вами; хорошо, что я не ревнив.

Шофер, страшно довольный шуткой, подмигнул мне в зеркальце. Затем притормозил и включил поворотник, собираясь свернуть на шоссе, ведущее из аэропорта Орли.

– Она у меня азартная. Я, впрочем, тоже прочитал несколько ваших книжек, – снова заговорил он, поглаживая усы. – Спору нет, захватывает, но для меня тяжеловато. Убийства, насилия… Скажу со всем моим к вам уважением, что у вас нездоровый взгляд на вещи. Будь вокруг нас столько ужасов, как у вас в романах, нам бы несдобровать.

Я не отрываясь смотрел на экран телефона и делал вид, что ничего не слышу. Только дискуссий о литературе и совершенстве мира мне не хватало в это утро.

Восемь десять. Первым самолетом я срочно вернулся в Париж. Звонил Анне – и попадал на автоответчик. Оставил ей десяток сообщений, извиняясь, прося прощения, умоляя перезвонить, потому что я в тревоге.

Я не знал, что делать. Мы еще никогда не ссорились.

Этой ночью я не сомкнул глаз. Какой сон? Я искал Анну. Начал с поста охраны территории. Охранник сказал мне, что за время моего отсутствия приезжало много машин, в том числе и автомобиль из VTC[2].

– Шофер сказал, что его вызвала мадам Анна Бекер, постоялица виллы «Волны». Я связался с мадам по интерфону, и она подтвердила вызов.

– Почему вы уверены, что это был автомобиль из VTC? – спросил я.

– На ветровом стекле у него, как и положено, был логотип компании.

– А вы не могли бы сказать мне, куда он ее повез?

– Откуда же мне знать?

Шофер отвез Анну в аэропорт. Во всяком случае, так я понял, когда несколько часов спустя зашел на сайт «Эр Франс». Поинтересовался, что там с нашими билетами – билеты покупал я, – и узнал, что пассажирка Анна Бекер поменяла свой обратный билет на последний в этот день авиарейс Ницца – Париж. Самолет должен был улететь в 21.20, а отбыл только в 23.45. Причин было две: опоздания, каких всегда в конце каникул бывает множество, и поломка компьютера, из-за которой все самолеты компании задержались на час.

[2] VTC – компания «Туристический автомобиль с шофером».

Ситуация немного прояснилась. Анна в гневе сама расколотила столик и поспешила улететь в Париж. По крайней мере, она была цела и невредима.

Такси свернуло с широкой автострады с туннелями и указателями, и мы въехали в город. У Порт-д'Орлеан и без того плотный поток машин практически встал. Мы едва ползли в черных маслянистых выхлопных газах от грузовиков и автобусов, упираясь бампером в чужой бампер. Я поднял стекло: окись азота – опасный канцероген. Вокруг гудели машины и ругались водители. ПАРИЖ…

Я решил начать с квартиры Анны и попросил шофера отвезти меня сначала в Монруж. Последний месяц мы с Анной жили вместе, но она сохранила за собой квартиру – две комнаты в современном доме на улице Аристид-Бриан. Анна любила свой дом, там еще оставались ее вещи. Я надеялся, что, рассердившись и обидевшись, она отправилась к себе.

Мы сделали длинный крюк, добрались до разворота Ваш-Нуар и поехали дальше.

– Прибыли, господин писатель, – объявил шофер, остановившись перед новым, но совсем некрасивым домом.

У шофера, плотного, приземистого, с лысым черепом дядечки с настороженным взглядом и тонкими губами голос был как у Рауля Вольфони из «Дядюшек-гангстеров»[3].

– Не могли бы вы подождать меня?

– Счетчик крутится. Без проблем.

Я вышел из машины и, заметив выходящего из подъезда мальчика с ранцем, поспешил туда, чтобы войти, пока не закрылась дверь. Лифт, как обычно, не работал. Я поднялся на двенадцатый этаж на одном дыхании, но прежде чем постучать, постоял, наклонившись и положив руки на колени, чтобы отдышаться. А когда постучал, мне никто не ответил. Я прислушался – тишина.

Анна оставила ключи от моей квартиры. И если не ночевала дома, то где?

Я стал звонить подряд во все квартиры на площадке. Открыл один сосед, но ничем мне не помог. Ничего не видел, ничего не слышал – обычное правило многоэтажек.

В полном расстройстве я спустился вниз и дал Раулю Вольфони свой адрес на Монпарнасе.

– А когда вышел ваш последний роман, господин Бартелеми?

– Три года назад, – ответил я со вздохом.

– А следующий наготове?

Я кивнул и уточнил:

– Но выйдет еще не скоро.

– Жена огорчится.

Мне не хотелось говорить, и я попросил сделать погромче радио: неплохо бы послушать новости.

Радиостанция из самых популярных. Девять часов утра, новости часа. Сегодня первое сентября, четверг. Двенадцать миллионов школьников приступили к занятиям, Франсуа Оланд доволен растущими успехами в экономике, в футбольной команде «Пари-Сен-Жермен» новый нападающий. В Соединенных Штатах республиканская партия выбирает кандидата для будущих президентских выборов…

– А вот вы мне скажите, – продолжал бубнить неугомонный таксист, – вы сами захотели побездельничать или наступил синдром белой страницы?

– Все гораздо сложнее, – ответил я, глядя в окно.

[3] «Дядюшки-гангстеры» – криминальная кинокомедия Ж. Лотнера (1963).

2

Если говорить правду, то я не написал ни строчки за три года потому, что жизнь меня достала.

Нет у меня никаких блокировок, и фантазия тоже работает. С шести лет я выдумываю всевозможные истории, с подросткового возраста только и знаю, что пишу, лишь бы дать выход фонтанирующему воображению. Мои фантазии – мое спасение, дармовой билет на самолет, уносящий от скучной действительности. Годы шли, а я занимался только своими историями. В блокноте или в ноутбуке я писал себе и писал, писал всюду и везде: на скамейке в парке, за столиком в кафе, стоя в метро. Если не писал, то думал о своих персонажах, чем они мучаются, кого любят. Ничто другое меня не интересовало. Серая реальность не имела для меня значения. Вдалеке от будней я странствовал по воображаемому миру, единственный его творец и демиург.

С 2003 года, когда был впервые опубликован мой роман, я писал по книге в год. В основном детективные истории и триллеры. В интервью всегда утверждал, что сижу за столом каждый день, за исключением Рождества и своего дня рождения. Ответ я позаимствовал у Стивена Кинга. И точно так же, как он, привирал. Я работал и 25 декабря *тоже*, и не видел никаких оснований бездельничать в высокоторжественный день собственного рождения.

Что греха таить? Мне редко удавалось найти что-то более интересное, чем мои герои.

Я обожал свою «работу», жил, как рыба в воде, в атмосфере загадок, убийств и насилий. Точно так же, как дети – вспомните людоеда из «Кота в сапогах», волка из «Красной Шапочки», преступных родителей из «Мальчика-с-пальчик», злодея по имени Синяя Борода, – взрослые любят поиграть в страшилки. Им нужны страшные сказки, чтобы совладать с собственными страхами.

Пристрастие читателей к детективам позволило мне прожить сказочные десять лет, став одним из немногих авторов, живущих за счет своего пера. И, садясь поутру за письменный стол, я чувствовал себя счастливым, я знал, что во всех концах света читатели ждут мой новый роман.

Но магический круг творчества и успеха три года назад разорвала женщина. Во время рекламной поездки в Лондон мой литературный агент познакомил меня с Натали Куртис, англичанкой, биологом по профессии, талантливой молодой женщиной как в области науки, так и в деловой сфере. В это время она раскручивала медицинский проект по распространению «умных» контактных линз, которые диагностировали глазные болезни, возникавшие из-за недостатка глюкозы в слезной жидкости.

Натали трудилась по восемнадцать часов в день. С обескураживающей легкостью она совмещала работу с компьютерными программами, клинические испытания и бизнес-планы, пересекая часовые пояса с отчетами для финансовых партнеров.

Мы с ней жили и действовали в совершенно разных мирах. Я – бумажный человек, она – человек цифр и чисел. Я зарабатывал на жизнь выдуманными историями, она – с помощью микропроцессоров тоньше младенческого волоска. Я был из тех, кто учит в лицее греческий, любит стихи Арагона и пишет любовные письма ручкой с чернилами. Она принадлежала суперсовременному миру электроники и чувствовала себя как дома в ледяных громадинах аэропортов.

Даже теперь, глядя в прошлое, я не могу понять, что толкнуло нас друг к другу. С чего вдруг именно в этот период нашей жизни мы поверили в будущее несовместимых пар?

«Нам нравится быть не собой», – написал Альбер Коэн. Может быть, мы потому и влюбляемся иной раз в полную свою противоположность. Надеемся на дополнение, преображение,

метаморфозу. Ожидаем, что, сблизившись с антиподом, станем полноценнее, богаче, шире. На бумаге это получается хорошо, в жизни – в редчайших случаях.

Иллюзия любви рассеялась бы очень скоро, но Натали забеременела. Перспектива создания семьи подкрепила мираж. Во всяком случае, у меня. Я уехал из Франции и поселился в Лондоне. Натали снимала тогда квартиру в районе Белгравия, и я был с ней рядом во все время ее беременности.

«Какой из ваших романов больше всего вам нравится?» Во время рекламных акций журналисты непременно задавали мне этот вопрос. С годами я научился отвечать обтекаемо и отделывался дежурной фразой: «Трудно сказать, ведь книги – те же дети, вы меня понимаете».

Книги – не дети. Я сидел в палате, когда рождался мой сын. Акушерка протянула мне крошечное тельце Тео, я взял его и понял сразу, какой жуткой фальшивкой является моя фраза в многочисленных интервью.

Книги – не дети.

Книги – особый предмет, сродни волшебной палочке. Пропуск в иной мир. Бегство. Книги могут стать лекарством и помочь справиться с житейскими передрягами. Как говорит Пол Остер, книги – «единственное место в мире, где два чужака могут сблизиться». Но они не дети.

Ничего не сравнится с ребенком.

3

К моему великому изумлению, Натали вернулась на работу через десять дней после родов. Сверхурочные часы и командировки не позволили ей во всей полноте прожить первые недели – прекрасные и ужасные – жизни нашего сына. Впрочем, кажется, младенец не особенно ее вдохновлял. И вот однажды вечером, раздеваясь в гардеробной, служившей продолжением нашей спальни, она сообщила мне тусклым голосом:

– Мы приняли предложение Гугл. У них будет контрольный пакет акций нашего предприятия.

Мне понадобилась не одна минута, чтобы я смог произнести:

– Ты серьезно?

Натали с отсутствующим видом сняла туфли, потерла натруженную щиколотку и добила меня:

– Серьезно. С понедельника я со своей группой работаю в Калифорнии.

Я смотрел на нее квадратными глазами. Двенадцать часов на самолете пролетела она, но *джетлаг*[4] был у меня.

– Натали! Ты не можешь одна принимать такие решения. Нам надо все обсудить. Нужно…

Она устало опустилась на край кровати.

– Я понимаю, что не могу просить тебя ехать со мной…

Я окончательно съехал с катушек.

– Но я *вынужден* с тобой ехать! Я не забыл, что у нас трехнедельный малыш!

– Не кричи! Мне еще хуже, чем тебе, Рафаэль. Но у меня не получается…

– Что не получается?

Натали разревелась.

– Быть для Тео хорошей матерью…

[4] Джетлаг – явление несовпадения ритма человека с обычным дневным ритмом, вызванное ночной работой, переходом на летнее время или быстрой сменой часовых поясов при перелете на самолете.

Я пытался переубедить ее, утешить, но она рыдала и повторяла одну-единственную ужасную фразу, которая, наверное, была правдой: «Я не создана для *этого,* мне так плохо».

Я спросил, как она *конкретно* представляет себе нашу жизнь в ближайшем будущем. Натали умоляюще посмотрела на меня и достала из рукава карту, которую держала наготове.

– Если ты хочешь растить Тео *сам* в Париже, я не против. И если честно, я думаю, что это был бы самый лучший для нас выход.

Я молча кивнул, ошеломленный счастьем, которым засияло ее лицо. Лицо матери моего сына… Натали проглотила таблетку снотворного и вытянулась на кровати. В спальне воцарилась свинцовая тишина.

Через день я вернулся во Францию, в свою квартиру на Монпарнасе. Я мог бы найти няню, но не стал ее искать. Я твердо решил, что сам буду следить, как растет и взрослеет сын. И смертельно боялся потерять его.

Несколько месяцев подряд стоило зазвонить телефону, как я начинал думать, что звонит адвокат: мол, его клиентка поменяла решение и требует эксклюзивного права на Тео. Но этого кошмарного звонка я, слава богу, не дождался. Прошло почти два года без единой вести о Натали. Время летело незаметно. Раньше ритм задавала работа, теперь – соски, бутылочки, памперсы, гуляние в парке, ванночки температурой 37 градусов и нескончаемые постирушки. Еще случались бессонницы, тревога при малейшей простуде, страх, что не справлюсь. Но свой новый опыт я не променял бы ни на что и никогда. Свидетельством тому пять тысяч фотографий у меня на телефоне. Мой сын с первых месяцев своей жизни втянул меня в необыкновенное приключение: я сделался и актером, и режиссером одновременно.

4

На проспекте генерала Леклерка пробка рассеялась, таксист прибавил скорости, и мы рванули вперед, целясь в колокольню собора Сен-Пьер-де-Монруж. Площадь Алезия, поворот на авеню Мэн. Солнце пускало зайчиков сквозь листву. Белые каменные фасады, множество магазинчиков, дешевые гостиницы.

Я собирался уехать из Парижа на четыре дня, а отсутствовал полсуток, не более. И теперь быстренько отправил эсэмэску Марку Карадеку, чтобы сообщить, что я уже в городе. Марк был единственным человеком, которому я доверял настолько, что мог оставить с ним своего сына. Отцом я был сумасшедшим. Словно убийства и похищения, описанные мной в детективах, могли перекинуться на мою собственную жизнь. Только двум людям я доверял своего Тео: Амалии, консьержке у нас в доме, которую знал вот уже десять лет, и Марку Карадеку, соседу и другу, бывшему сотруднику уголовной полиции. Марк ответил в свойственной ему манере:

Не волнуйся. Завитушка еще спит. Я в полной готовности: каша греется, компот из холодильника вынул, высокий стульчик поставил. Расскажешь, что произошло. До скорого.

Я с облегчением вздохнул и попробовал еще раз дозвониться до Анны. Снова автоответчик. *Она что, отключила мобильник? Или разрядилась батарея?*

Я отложил телефон и протер глаза. Никак не мог опомниться: слишком быстро все переменилось. Про себя я прокручивал вчерашний вечер и не знал, что и думать. Облако счастья лишь прикрывало реальную жуть? Служило маскировкой? А я? Мне волноваться за Анну или бояться ее? От последнего вопроса у меня мурашки побежали по коже, я не мог думать о ней плохо. Я полагал, что нашел наконец ту, которую давно ждал. Свою жену. Я хотел от нее детей.

Я встретил Анну полгода назад, февральской ночью, в детском отделении «Скорой помощи» больницы Помпиду, куда примчался в час ночи. У Тео держалась высокая температура и никак не хотела снижаться. Он ничего не ел, лежал в забытьи. Я поддался дурац-

кому искушению и загрузил симптомы в Интернет. Просматривая ответы, убедился, что у сына вирусный менингит, и срочно повез его в больницу. Метался по стерильному помещению и требовал, умолял, чтобы ему оказали помощь *немедленно!* Он может умереть! Он…

– Успокойтесь, месье.

Как по волшебству, передо мной появилась молодая женщина в белом халате. Я побежал за ней в смотровую. Она внимательно осмотрела Тео.

– У малыша воспалены гланды, – сообщила она, ощупав его маленькое горлышко. – Налет на миндалинах.

– Просто ангина?

– Да, ему больно глотать, поэтому он отказывается от пищи.

– Какие принимать антибиотики?

– Никакие. Инфекция вирусная; продолжайте давать парацетамол, и через несколько дней он поправится.

– Вы уверены, что у него не менингит? – не мог успокоиться я, укладывая вялого, как тряпочка, Тео в стеганый конверт.

Врач улыбнулась.

– Не советую увлекаться медицинскими сайтами. От них одно беспокойство.

Она проводила нас до приемного покоя. Собираясь попрощаться, я, уже успокоившись, что сыну ничего не грозит, показал на автомат с напитками и спросил:

– Могу я вам предложить чашку кофе?

Молоденькая врач немного смутилась, потом предупредила коллегу, что на несколько минут отойдет, и мы проболтали минут пятнадцать в холле больницы.

Звали ее Анна Бекер. Ей было двадцать пять лет. Второй год магистратуры по педиатрии. Белый халат сидел на ней, словно модный плащ от «Барбери». Она была само изящество, но без малейшей нарочитости: посадка головы, тонкие черты лица, мягкий теплый голос…

Холл больницы, приют лихорадочных волнений и умиротворения, купался в призрачном свете. Сын сладко спал в стеганом чехле, а я смотрел на подрагивающие ресницы Анны. Я давно уже не верил, что ангельская красота свидетельствует об ангельской душе, но не мог не поддаться очарованию длинных пушистых ресниц, смуглой кожи цвета драгоценного дерева, гладких черных волос, полукружьями лежавших вдоль щек.

– Мне пора за работу, – сказала она, кивнув на стенные часы.

И все-таки настояла и проводила нас до такси, пройдя метров тридцать до ворот. Темная ночь, ледяной холод. В зимнем небе мелькают редкие хлопья снега. Анна стояла рядом, и вдруг я ощутил с невероятной, головокружительной уверенностью, что мы с ней уже вместе. Пара. Семья. Словно встали в небе счастливые звезды. Словно домой мы возвращаемся втроем.

Я устроил детское кресло на заднем сиденье и обернулся к Анне. В свете фонаря пар из ее губ светился голубым. Мне хотелось сказать что-нибудь смешное, но я спросил, когда кончается ее дежурство.

– Скоро, в восемь часов.

– Может быть, позавтракаем вместе? Приходите. Круассаны из булочной на углу – просто пальчики оближешь!

Я написал ей свой адрес, и она улыбнулась. Мое предложение покачалось с секунду в морозном воздухе, ожидая ответа. Потом такси тронулось, а я всю дорогу домой думал: мы вместе или я один почувствовал, что что-то произошло?..

Я почти не спал, а утром, когда сын допивал бутылочку с молоком, Анна позвонила в дверь. Тео чувствовал себя гораздо лучше. Я надел на него теплую шапку, комбинезон, и мы отправились, как я и обещал, все втроем в булочную за венской сдобой. Было воскресенье, раннее утро. Выпал снег и одел Париж. Сквозь серебристую пелену проглядывало солнце и зажигало искорками белые нетронутые тротуары.

Мы нашлись. И с этого сказочного утра больше не расставались. Полгода идиллии, а дальше… Дальше светилось счастье. Да, это было самое счастливое время моей жизни.

Я больше не писал, я жил. Растил малыша, любил, занимался реальными делами, отчетливо понимая, что миражи год за годом пожирали мою жизнь. Да, я писал, я влезал в шкуру разных персонажей. Как внедренный агент, я мог жить на сто непохожих ладов. Но эти взятые взаймы жизни мешали мне проживать ту единственную и неповторимую, которая была моей собственной.

2
Профессор

Маска так хороша, что боишься увидеть лицо.
Альфред де Мюссе

1

– Пап! Пап!

Я только открыл дверь, а сын уже звал меня с восторженным изумлением. Он торопился ко мне быстрыми неровными шажками. Я подхватил его на руки, подбросил и крепко прижал к себе. Каждая встреча – глоток кислорода, взаимный восторг.

– Точно к завтраку, – заметил Марк, надевая на согретую бутылочку соску.

Бывший следователь жил в том же доме, что и я, в центре Монпарнаса, в студии, смотрящей окнами во двор. Окна у него были во всю стену, а в светлой просторной комнате ничего лишнего: натертый паркет, белые деревянные стеллажи, самодельный стол из узловатого корня. В углу лестница на чердак с деревянными балками на потолке.

Тео получил бутылочку, его посадили в высокий стульчик, и он занялся исключительно теплым молоком; пил жадно, захлебываясь, словно его не кормили вечность.

Сын был занят, и я повернулся к Марку. Тот стоял возле плиты у окна во двор.

Лет под шестьдесят, небольшого роста, с серо-голубыми холодными глазами, всклокоченными волосам и бородкой с проседью, Марк под настроение мог быть и невероятно ласковым, и стальным.

– Сварю тебе кофе?

– Уж точно двойной, – вздохнул я и уселся на табуретку возле бара.

– Ладно. Расскажешь, что произошло?

Пока он варил мне кофе, я все ему рассказал. Точнее, почти все. Рассказал, что мы поссорились, что Анна потом исчезла, что ее нет в ее квартире в Монруже, что телефон у нее то ли не работает, то ли разрядился. Я ничего не сказал о фотографии, которую Анна мне показала. Прежде чем кому-то говорить о ней, мне нужно было хоть что-то о ней узнать.

Бывший детектив слушал меня, внимательно наморщив лоб. В грубых джинсах, черной майке, кожаных туфлях со шнурками он выглядел так, словно снова был при исполнении служебных обязанностей. Так мне, во всяком случае, показалось.

– И что ты об этом думаешь? – завершил я вопросом свой монолог.

Марк поморщился и вздохнул.

– А что мне думать? Я с твоей Дульцинеей двух слов не сказал. А когда она бежала по двору и мы случайно встречались, у меня возникало впечатление, что она меня избегает.

– Такой у нее характер – она очень сдержанная и немного застенчивая.

Марк поставил передо мной чашку кофе с пенкой, и я лишний раз полюбовался на его могучую мускулатуру и шею, как у быка. Он получил пулю в перестрелке, когда брали грабителей ювелирного магазина на Вандомской площади, из-за ранения ему и пришлось уйти в отставку досрочно.

Марк Карадек был элитой, героем эпохи расцвета нашей уголовной полиции. В 1990 – 2000-х годах он участвовал в самых громких операциях, о которых тогда писали в газетах: в уничтожении опасной банды в южном предместье, в аресте налетчиков на инкассаторские фургоны, в облаве на «Розовых пантер», преступную группировку с Балкан, специализировавшуюся на ограблении ювелирных магазинов и на протяжении десяти лет успешно грабившую

самые крупные ювелирные фирмы мира. Марк признавался мне, что с болью уходил из профессии. С тех пор у него, как видно, затаилась горькая складка у губ, которая очень меня трогала.

– Что ты знаешь о ее родителях? – спросил Карадек, усаживаясь напротив меня с ручкой и блокнотом, куда обычно записывал будущие покупки.

– Немного. Мать француженка, родившаяся на острове Барбадос. Она умерла от рака груди, когда Анне было лет двенадцать.

– Отец?

– Австриец, приехал во Францию в конце семидесятых. Пять лет назад погиб во время аварии в доках Сен-Назер.

– Она единственная дочь?

Я кивнул.

– Знаком с ее близкими друзьями?

Я мысленно перебрал, с кем мы за это время виделись. Список вышел скудным или, лучше сказать, никаким. Я перебрал фамилии в телефоне и нашел только номер Марго Лакруа, тоже практикантки-медички, которая вместе с Анной проходила стажировку по гинекологии в больнице Робер-Дебре. Месяц назад мы были у нее на новоселье, и она показалась мне очень славной. Анна пригласила ее себе в свидетельницы.

– Вот ей и позвони, – посоветовал Марк.

Я рискнул и набрал номер. Марго подняла трубку; у нее начинался рабочий день. Никаких новостей от Анны не было с позавчерашнего дня.

– Я думала, вы на Лазурном Берегу, воркуете, как влюбленные голубки… У вас все в порядке?

Я ничего не ответил, поблагодарил и повесил трубку. Поколебался и все же спросил Марка:

– В полицию обращаться смысла нет, так ведь?

Карадек сначала допил кофе, потом ответил:

– При таком раскладе, сам понимаешь, им особо делать нечего. Анна – взрослый человек, оснований, что ей грозит опасность, нет, так что…

– Ты мне поможешь?

Он искоса взглянул на меня.

– Что конкретно ты имеешь в виду?

– У тебя есть связи в полиции; можно было бы узнать о телефонных звонках Анны, эсэмэсках, проверить ее банковский счет, карточку, траты, расходы. Проанализировать ее…

Карадек предостерегающе поднял руку.

– Стоп! Не зарывайся! Если бы всякий раз, когда ты ссоришься с подружкой, следователь так принимался за дело…

Я в досаде вскочил с табуретки, но Марк удержал меня за рукав.

– Погоди, мотылек! Если хочешь от меня помощи, говори *всю* правду.

– Не знаю, о чем ты.

Он наклонил голову и тяжело вздохнул.

– Не делай из меня дурочку, Рафаэль. Я тридцать лет допрашивал людей. И знаю, когда мне врут.

– Я тебе не врал.

– Не сказать всей правды – значит соврать. Ты скрыл что-то очень серьезное, из-за чего ты сам не свой.

2

– Па! Я все! – крикнул Тео, протягивая мне бутылочку.

Я наклонился к сыну и забрал пустую емкость.

– Хочешь еще, малыш?

– Кадо! Кадо! – потребовал хитрец.

Был у Тео маленький грешок – он обожал палочки в шоколаде «Микадо».

Но я не поддержал его страстного порыва.

– Нет, старина, «Микадо» едим на полдник.

Узнав, что любимого печенья он не получит, мальчик-ангелочек по имени Тео впал в обиду и горе. Он прижал к себе Фифи, плюшевую собачку, верного своего друга, и широко открыл рот, собираясь во все горло зареветь, однако Марк успел сунуть ему только что поджаренный кусок сладкого хлеба.

– Получай, хулиган, хлеб вместо печенья!

– Плеп, плеп, – заулыбался Тео.

Трудно поверить, но у заматерелого полицейского, специалиста по облавам и заложникам, было удивительное чутье на детей.

Я познакомился с Марком пять лет назад, когда он поселился у нас в доме. Карадек мало походил на классического детектива, привычного нам по книгам и кино. Однако я сразу проникся к нему симпатией, и вскоре мы стали приятелями. В уголовной полиции так ценили его аналитические способности, что прозвали его Профессором. И когда я писал свой последний триллер, то частенько беседовал с ним. Марк не скупился на всяческие истории из своей практики, давал множество полезных советов и даже согласился прочитать и поправить рукопись.

Мало-помалу мы не на шутку подружились. Ходили вместе на стадион «Парк де Пренс», когда «Пари-Сен-Жермен» играли на своем поле. И уж точно в неделю раз сидели с тарелкой суши и двумя бутылками пива «Корона» перед экраном моего домашнего кинотеатра – и смотрели корейские детективы или пересматривали фильмы Жан-Пьера Мельвиля, Уильяма Фридкина, Сэма Пекинпа.

Наравне с Амалией, консьержкой из нашего дома, Марк всерьез помогал мне растить и воспитывать Тео. Он оставался с ним, когда мне было нужно сходить в магазин, давал ценные советы, если я вдруг отчаивался и терялся. Он научил меня главному: доверять своему ребенку, слушать его, а не соблюдать правила, и не бояться, что окажешься не на высоте.

3

– «И сделала это я», – сказала мне Анна, когда показывала фотографию на айпаде.

– Фотографию чего? – спросил Марк.

Мы с ним сидели за столом в кухне. Он сварил нам еще по чашке кофе и теперь смотрел на меня пронизывающим взглядом, не давая опустить глаза. Да, если я хотел от него помощи, мне ничего не оставалось, как выложить ему всю правду. Всю. Самую жестокую и непредставимую. Я понизил голос. Из-за Тео. Хотя сын, конечно же, ничего не понял бы.

– Трех обгорелых трупов.

– Шутки шутишь?

– Нет. Три тела в ряд, одно рядом с другим.

Глаза у полицейского загорелись. Трупы. Смерть. Жуть выползла на сцену. Вместо семейных дрязг – расследование для детектива.

– Анна впервые заговорила с тобой об этом?

– Впервые.

– И что ты думаешь о ее участии в этом деле?

Я пожал плечами. Но Марк продолжал допрос.

– Она показала тебе фотографию и ничего не объяснила?

– Я же сказал тебе: я не дал ей такой возможности. Я пришел в ужас. Окаменел. И ушел, не сказав ни слова. А когда вернулся, ее уже не было.

Марк испытующе вглядывался в меня, словно хотел убедиться, что все происходило *именно так.*

– Чьи это были трупы? Взрослых? Детей?

– Трудно сказать.

– Где лежали? В помещении? На столе для вскрытия? На…

– Откуда я знаю, черт тебя побери! Они были черные, как головешки! Вот и все, что я могу сказать! Раздутые от жара. Сгоревшие.

Карадек продолжал подкапываться под мои защитные укрепления.

– Постарайся быть предельно точным, Рафаэль. Представь их как можно яснее. Опиши во всех подробностях.

Я закрыл глаза, чтобы вспомнить яснее. Больших усилий не потребовалось – жуткая фотография впечаталась в память навек. Проломленные черепа и грудные клетки, внутренности наружу. Под настойчивым взглядом Карадека я постарался как можно точнее описать мертвые тела со сведенными конечностями, обгоревшей кожей и белыми торчащими костями.

– На чем они лежали?

– Автоматически хочется сказать: на земле. Но вполне возможно, что на простыне, брезенте…

– А как ты думаешь, Анна *чистая*? Я имею в виду наркотики, психические нарушения, возможное лечение в психбольнице…

– Не забывай, что ты говоришь о женщине, на которой я собираюсь жениться.

– Отвечай на мой вопрос, ладно?

– Уверен, ничего такого и близко нет. Она заканчивает ординатуру. Прозрачна, как бриллиант.

– А почему ты тогда стал копаться в ее прошлом?

– Ты же знаешь мою историю, Марк! Знаешь, чем кончилась моя последняя любовь.

– А теперь скажи, что именно тебя встревожило?

Я стал перечислять:

– Странная зыбкость в отношении прошлого. У нее словно не было ни детства, ни юности. Крайняя закрытость. Стремление остаться незамеченной, ставшее для нее как бы второй натурой. Нелюбовь фотографироваться. И потом, скажи честно, много ты знаешь молодых женщин, которые не общались бы в Фейсбуке или в какой-нибудь еще соцсети?

– Согласен, есть о чем задуматься, – признал бывший следователь. – Но нет конкретики, какая заставила бы в чем-то ее подозревать.

– Нет конкретики? А три трупа?

– Не горячись. Мы ничего о них не знаем. Она же медик, могла иметь с ними дело на практике…

– Тем более нужно раскопать это дело, так ведь?

4

– Уборщица к тебе уже приходила? – поинтересовался Марк.

– Она приходит ближе к обеду.

– Тем лучше, – обрадовался он.

Мы пересекли двор, зашли ко мне и устроились у меня на кухне – она была угловой, выходила сразу и на улицу Кампань-Премьер, и на замощенный плитками двор с глядящими в него разноцветными ставнями. Тео с Фифи уселись у наших ног и занялись магнитными зверушками на холодильнике.

Карадек обследовал раковину, потом открыл посудомоечную машину.

– Ты можешь сказать, что ищешь?

– Предмет, который могла держать в руках только твоя Анна. Например, кружку, из которой она пила по утрам кофе.

– Она пила чай из вон той, – сообщил я, ткнув пальцем в голубую кружку с Тинтином, которую Анна привезла из музея Эрже[5], побывав в Бельгии.

– У тебя найдется ручка?

«Неожиданный вопрос писателю», – подумал я и протянул ему свой роллер.

Марк подцепил стержнем кружку за ручку и поставил ее на бумажную салфетку. Потом расстегнул молнию небольшой кожаной сумочки, достал пузырек с черной пылью, кисточку, скотч и карточку из картона.

Набор криминалиста.

Набрав из пузырька угольной пыли, Марк быстро и уверенно стал водить кисточкой по кружке, собираясь получить отпечатки пальцев Анны.

В одном из своих романов я уже описывал такую процедуру, но теперь все происходило на самом деле. И искали мы не преступника, а мою любимую женщину.

Марк дунул на чашку, чтобы слетела лишняя пыль, потом надел очки и принялся внимательно ее рассматривать.

– Видишь отпечаток? Это большой палец твоей Дульцинеи, – объявил он с величайшим удовлетворением.

Потом взял кусочек липкой ленты, с величайшей осторожностью перенес отпечаток на картон и попросил меня:

– Сфотографируй.

– И что дальше? – спросил я.

– У меня теперь мало знакомых в уголовной. Большинство моих коллег уже на пенсии, но одного паренька из криминалистики я знаю, его зовут Жан-Кристоф Вассер. Бестолочь, полицейский никудышный, но если дать ему хороший отпечаток и четыреста евро, он проверит его по базе данных.

– По базе данных отпечатков пальцев? Если честно, я уверен, что Анна непричастна ни к каким преступлениям. И в тюрьме она тоже не сидела.

– Всякие бывают сюрпризы… Все, что ты рассказал о ее болезненной скрытности, наводит на мысль, что ей есть что скрывать.

– Мы все что-то скрываем, разве нет?

– Ты сейчас о чем? Роман пишешь? Давай фотографируй и скидывай мне фотку на почту, чтобы я мог связаться с Вассером.

Я сделал несколько снимков на телефон, увеличил, отредактировал, чтобы отпечаток получился как можно более четким. И, работая, вглядывался как завороженный в линии, которые вились, пересекались, соединялись… Таинственный лабиринт, для которого нет нити Ариадны.

– А теперь что? – спросил я, отправив фотографию на почту Карадеку.

– Теперь поедем на квартиру Анны в Монруж. Будем искать. Пока не найдем.

---

[5] Эрже (псевдоним Жоржа Реми) – бельгийский художник, автор всемирно известных комиксов о журналисте Тинтине и его собаке Милу.

3
Темные глубины души

Никогда нельзя быть уверенным в женщине, которую любишь.
Леопольд фон Захер-Мазох

1

Судя по наклейкам на ветровом стекле, «Рейнджровер» Карадека бегал по дорогам с конца восьмидесятых.

Старый вездеход, намотавший три миллиона километров, плыл в потоке машин с изяществом бетонного блока, оставляя позади деревья парка Монсури, окружную дорогу, граффити на улице Поль-Ваян-Кутюрье, клетчатый фасад гостиницы «Ибис», улицу Барбес.

Я обрадовался, что Марк захотел поехать со мной и доверил Тео Амалии. Мне почему-то казалось, что все у нас вот-вот наладится. Пройдет немного времени, и появится Анна. Ее «секрет», скорее всего, не такой уж и страшный. Она мне все объяснит, все встанет на свои места, и мы с ней поженимся, как собирались, в конце сентября, в маленькой церковке Сен-Гийом-ле-Дезер, где венчались мои дедушки и бабушки.

В салоне пахло кожей, сухой травой и сигарным дымом. Марк дал задний ход, и внедорожник захрипел, словно ему перекрыли кислород. Конечно, он был немолод: бархатные сиденья полысели, тормоза, похоже, давно отдали богу душу, но высокая посадка и большое лобовое стекло позволяли нам чувствовать себя выше всех и плыть над суетливым движением.

Авеню Аристид-Бриан: в прошлом автодорога 20 в восемь полос.

– Вот ее дом, – сказал я и показал на дом Анны на противоположной стороне дороги. – Но здесь нет поворота, нам нужно доехать до перекрестка и…

Я не успел договорить – Марк уже крутанул руль. Мы повернули под рев клаксонов и скрежет колес прямо перед носом двух автомобилей, которые едва не встали на дыбы, лишь бы избежать катастрофы.

– Ты в своем уме, Марк?!

Карадек кивнул и, не ограничившись первым нарушением, совершил второе: въехал на тротуар и остановился перед подъездом.

– Здесь нельзя стоять, – осторожно заметил я.

– На то мы и полиция, – заявил он, снимая руку с тормоза и опуская на ветровое стекло козырек с надписью «Национальная полиция».

– Кто поверит, что копы ездят на такой таратайке? – вздохнул я, хлопая дверцей. – Впрочем, ты тоже давно не полицейский.

Марк достал из заднего кармана джинсов универсальный ключ.

– Кто побывал полицейским, тот остался им навсегда, – назидательно произнес он и открыл дверь в подъезд.

Чудо из чудес: лифт за это время починили. Прежде чем подняться, я настоял, чтобы мы сходили на подземную стоянку. Маленькая машинка Анны стояла на месте. Мы вернулись к лифту. Двенадцатый этаж. В коридоре никого. Я снова позвонил, потом снова стучал и стучал в дверь – и снова без результата.

– Отойди, – распорядился Марк, встав на изготовку.

– Подожди, может, не надо…

2

Марк второй раз поднажал плечом, и дверь открылась.

Он вошел в коридор и внимательно осмотрел квартиру. Метров сорок. Хорошо отделана. Дубовый паркет. Кремовые с пастельными разводами стены, гостиная в скандинавском стиле, тут же кухня, длинный шкаф до самой спальни.

Пустая, просторная квартира.

Я вернулся к двери, осмотрел замки, фиксатор. Дверь легко поддалась, потому что была закрыта только на защелку. Последний, кто уходил из квартиры, просто хлопнул дверью, не потрудившись повернуть ключ. Анна обычно тщательно запирала дверь.

Еще сюрприз: у входа в коридоре лежала дорожная сумка Анны. На молнии, плетеная, кожаная, с цветными вставками. Я присел на корточки и заглянул в карманы, но ничего интересного не обнаружил.

– Значит, Анна все-таки вернулась из Ниццы, – подал голос Карадек.

– И опять исчезла, – горестно отозвался я.

И снова набрал ее номер на мобильнике, и снова включился автоответчик.

– Что ж, давай-ка мы тут пороемся, – предложил Марк и по исконной привычке всех детективов отправился в ванную.

– Не уверен, что мы имеем на это право, – попытался возразить я.

В ванной Марк ничего интересного не обнаружил и направился к спальне.

– Запомни, что это твоя инициатива, – бросил он мне на ходу. – Не ройся ты в прошлом своей подружки, отдыхал бы с ней сейчас на Лазурном Берегу и наслаждался жизнью.

– Но это не основание, чтобы…

– Рафаэль! – прервал меня Карадек. – Тебя не подвела интуиция, когда ты стал задавать Анне вопросы. А теперь нужно довести дело до конца.

Я оглядел спальню. Кровать из светлого дерева, шкаф с одежкой, книжные полки с медицинскими справочниками, словарями и знакомыми мне грамматиками – Гревис, Анс, Берто, Шазо. Несколько американских романов по-английски: Донна Тарт, Ричард Пауэрс, Тони Моррисон…

Осмотрев внимательно паркет, Марк принялся заглядывать в ящики.

– Займись компьютером, – распорядился он, видя, что я застыл на месте. – Я в них мало что смыслю.

Я успел заметить, что ноутбук лежит на стойке бара, которая отделяет кухню от гостиной.

С тех пор как мы с Анной встретились, я бывал в этой квартире не больше пяти или шести раз. Это был ее дом, он был такой же, как Анна: элегантный, разумный, аскетичный. Как я ухитрился так ее рассердить, что она сбежала?

Я подошел к компьютеру и включил его. Он заработал, не спросив пароля. Но я знал, что это ничего не значит. Анна не доверяла компьютерам, и если что-то всерьез прятала, то уж точно не в печенках своего ноутбука.

Для очистки совести я заглянул в почту. Деловая переписка с коллегами по больнице. В библиотечной директории вперемешку Моцарт, научные статьи и телесериалы, которые мы смотрели с ней вместе. Пробежался по журналу: новостные сайты, информационные и бесконечное число научных по ее теме: «Выживаемость: генетическая и эпигенетическая». Ничего особенного и на жестком диске: схемы, таблицы, документы PDF, презентации, которые она делала во время учебы. Компьютер представлял интерес не тем, что в нем было, а тем, чего в нем не было. В нем не было семейных фотографий, видео, снятых во время отдыха, не было переписки с подругами и друзьями.

– Перебери-ка эту канцелярию, – попросил Карадек, входя в комнату с картонной коробкой. Как оказалось, в ней лежали файлы со счетами, жировками, чеками, банковскими отчетами.

Он поставил коробку на стол и протянул мне пластиковую папку.

– Вот что еще я нашел. А в компьютере что? Ничего?

Я кивнул и заглянул в папку. Там лежала фотография. Традиционная, снимок класса. Такие снимают с детского сада и до конца школы. На фотографии два десятка нарядных девочек в школьном дворе. В центре учительница, женщина лет сорока. Одна из девочек в центре держит грифельную доску, на которой мелом написано:

Лицей Сен-Сесиль
Выпускной класс S
2008–2009

В заднем ряду я мгновенно узнал «мою» Анну. Сама сдержанность и скромность. Голова слегка наклонена, глаза чуть опущены. Легкая улыбка. Белая кофточка, застегнутая до подбородка, синий джемпер. Все то же желание быть незаметной, спрятать свой пол, заставить забыть о влекущей красоте.

Быть незаметной. Не вызывать желания.

– Знаешь, что это за лицей Сен-Сесиль? – спросил Марк, доставая пачку сигарет.

Я быстренько заглянул в телефон. Лицей, расположенный на улице Гренель, был католическим учебным заведением для очень респектабельных семей. Частный, дорогой, только для девушек.

– Ты знал, что Анна училась в этом лицее? Как-то не вяжется с маленькой бедняжкой из Сен-Назера, тебе не кажется? – прибавил Карадек, закуривая сигарету.

Мы занялись картонной коробкой – и кое-что выяснили.

Анна поселилась в Монруже два года назад. Она купила эту квартиру в 2014 году, когда училась на третьем, то есть последнем курсе. Квартира стоила тогда 190 тысяч евро; Анна внесла 50 тысяч с рассрочкой на двадцать лет. Классическая схема для приобретения жилья.

С 2012-го по 2013-й она снимала студию в доме на улице Сен-Гийом.

До этого в 2011-м платила за комнату для прислуги на улице Обсерватуар некоему Филиппу Лельевру.

На этом сведения кончались. Где она жила в то время, когда кончала лицей и начинала учиться на медицинском? У отца? В интернате? В общежитии? Или тоже снимала комнату для прислуги, но платила без всяких счетов?

3

Карадек, глубоко вздохнув, загасил окурок в блюдце. Потом в задумчивости подошел к кофемашине, раскрашенной в веселые цвета, вставил капсулу. Пока напиток готовился, он продолжал изучать оставшиеся документы. Его внимание привлекла потрепанная бумажка с ксерокопией карты социального страхования. Он сложил листок вчетверо и сунул себе в карман. Внимательно, но, впрочем, безрезультатно обследовал плиту, заглянул в духовку, пощупал вытяжку, осмотрел паркет, заглянул в шкафчики. Затем, не дав себе труда поинтересоваться, что мне нравится, приготовил для нас обоих по чашечке крепкого кофе. Отпивая по глотку, Марк смотрел куда-то вдаль затуманенным взглядом. Что-то не давало ему покоя, но он не знал пока, что именно. На минуту Карадек замер, и тут его озарило.

– Посмотри на торшер.

Я оглянулся на лампу, задвинутую в дальний угол гостиной.

– А что не так?

– Зачем тянуть провод в другой конец комнаты, если рядом у плинтуса есть розетка?

Черт…

Я подошел к торшеру, присел на корточки и потянул за пластиковый корпус розетки. Она свободно отошла от стены и оказалась у меня в руках. Догадка Карадека оказалась верной: никакие провода к ней не подсоединялись. Я растянулся на полу, поддел освободившийся конец плинтуса, повертел и наконец оторвал. Под деревяшкой, в пространстве между полом и стеной, было что-то запрятано. Оказалось – сумка.

4

Это был старый рюкзак с фирменным логотипом «Конверс» в виде круглой резиновой бляшки. Ткань пропиталась пылью, обветшала и выцвела. Когда-то новый, горчичного цвета, теперь рюкзак был грязно-желтый, почти серый. Он был чем-то набит и оказался довольно тяжелым. Мне стало любопытно; хотелось открыть его, но я не рискнул. Кто его знает, что там лежит! Решившись наконец, я расстегнул молнию.

Черт побери!

Не зря я так опасался.

Он был битком набит банковскими купюрами.

Я мигом вскочил, будто там лежали не деньги, а живые змеи, и они собирались напасть на меня.

Карадек вывалил содержимое на стол – в основном купюры по 50 и 100 евро. Деньги высыпались, образовав рыхлую кучу.

– Сколько тут?

Он взял в руки несколько бумажек разного достоинства, прищурился, умножая в уме и прикидывая по объему размер состояния.

– На глазок примерно четыреста тысяч евро.

Анна, что же ты натворила?

– Как ты думаешь, откуда столько денег? – спросил я, слегка ошарашенный.

– В любом случае Анна нам не расскажет.

Почесав затылок, я закрыл глаза, соображая, откуда могла взяться такая куча наличных. Ограбление? Выручка от продажи астрономического количества наркотиков? Шантаж какой-нибудь богатой знаменитости?.. Откуда ж еще?..

В памяти вновь возник жуткий снимок трех обгоревших трупов. Наверняка существовала какая-то связь между ними и этими деньгами. Но какая?

– Это, однако, не все, парень. Вот тебе еще один сюрприз.

В боковом кармане рюкзака Карадек обнаружил два удостоверения личности с фотографией Анны в возрасте семнадцати-восемнадцати лет. Первое – на имя Полины Паже, другое – Магали Ламбер. Оба имени мне были незнакомы.

Марк протянул их мне поближе, чтобы я как следует рассмотрел.

– Разумеется, это фальшивки.

Я был в растерянности. Мой взгляд скользнул за окно. Там, снаружи, кипела жизнь. Как ни в чем не бывало светило солнце, отражаясь в окнах дома напротив. Живые плети ползучего плюща обвивали балкон. Все-таки за окном – лето.

– Вот это – барахло, – заключил Марк, показывая мне первое удостоверение, – дрянная подделка. Такие делают в Таиланде или во Вьетнаме. За восемьсот евро ты можешь заказать себе такую же в любом криминальном районе. Ими часто пользуются наркоманы.

– А другое?

Карадек поправил очки на носу, словно ювелир, склонившийся над драгоценным камнем, поднес к глазам второе удостоверение и стал рассматривать его внимательнейшим образом.

– Это, конечно, получше, хотя и не вчера сработано. Ливанского или венгерского производства. Такое может стоить три тысячи евро. Конечно, экспертизу не пройдет, но с этим ты можешь спокойно жить, ни о чем не беспокоясь.

Земля закачалась у меня под ногами. Все мои предположения рухнули в одночасье. Мне понадобилась пара минут, чтобы прийти в себя.

– Теперь, по крайней мере, все ясно, – резко сказал Карадек. – У нас нет выбора. Мы должны пойти по следу и докопаться, что произошло с Анной Бекер в прошлом.

Я опустил голову. Опять воспоминание о страшном фото с тремя обгоревшими телами пронзило мозг. А в ушах стоял тихий голос Анны. Она шептала мне: «Это я сделала. Это я…»

4
Умение раствориться

Чтобы быть убедительной, ложь должна содержать хоть чуточку правды. Как правило, много не надо, достаточно капли, но это – необходимо, как оливка в бокале мартини.
Саша Аранго

1

Марк Карадек почувствовал, как у него засосало под ложечкой. Как будто ему пятнадцать и он отправляется на первое в жизни любовное свидание. Тот же трепет и те же страхи.

Сыщик всегда остается сыщиком. Три сожженных трупа, битком набитая купюрами сумка, фальшивые документы, двойная жизнь Анны: адреналин наполнил кровь, и в Марке снова проснулся азарт охотника. Давно уже, с тех пор, как в него угодила шальная пуля, он не испытывал подобного нервного возбуждения, а ведь оно должно быть у каждого настоящего следователя, у геолога, ведущего поиск нефтяных месторождений, у разведчика, у шпиона… Никто из них не откажется от риска, когда идет по следу. Одно слово – охотник.

Выйдя из дома, где находилась квартира Анны, они с Рафаэлем решили разделиться, чтобы дальше вести расследование независимо друг от друга. Марк точно знал, чем следует заняться в первую очередь.

Квартал Бют-о-Кай, улица Гласьер. Карадек знал этот уголок как свои пять пальцев. Вытащив из кармана свой мобильник у светофора, пока горел красный свет, он поискал в контактах нужный номер. Матильда Франсанс. И, к своему удивлению, нашел, хотя прошли уже годы. Набрав номер, он почти сразу услышал в трубке знакомый голос.

– Марк! Столько лет прошло…

– Привет, красавица. Надеюсь, у тебя все в порядке? Ты, как и раньше, вкалываешь в социалке?

– Ну да! Правда, мне удалось вырваться из Фонда медицинского страхования в Эври, и теперь я в семнадцатом округе, в центре Батиньёль. А в марте собираюсь выйти на пенсию.

– Значит, на свободу с чистой совестью! Ну, пока ты еще на службе, сделай одолжение, найди мне сведения о…

– Так и знала! Не мог же ты мне позвонить просто так, по дружбе…

– …о юной девушке по имени Анна Бекер. У меня есть номер ее социальной карты; если хочешь, запиши.

На светофоре зажегся зеленый свет, и Марк, уже на ходу, достал из кармана сложенную вчетверо фотокопию и продиктовал Матильде номер.

– А кто это?

– Милая девушка, мулатка, двадцати пяти лет, заканчивает медицинский. Она пропала, и я дал слово ее семье, что разыщу ее.

– Подрабатываешь?

– Не совсем; скорее по доброй воле. Ты же знаешь, как говорят: стоит раз попробовать сыскной работы – и ты увяз на всю жизнь.

– Какие сведения тебе нужны?

– Мне все сгодится. Все, что тебе удастся накопать.

– О’кей, я посмотрю, что можно сделать. Я тебе перезвоню.

Марк, удовлетворенный ее согласием, отложил телефон.

Итак, кто следующий? Филипп Лельевр. Он опять взял трубку и набрал имя в поисковике. Имя «Лельевр» находилось на желтых страницах и фигурировало там в разделе «Стоматология». Марк не мог не заметить, что его кабинет расположен в том же номере, что и квартира Анны, которую она снимала в начале 2010-го.

Бульвар Пор-Руаяль. Вдалеке показалась стеклянная крыша павильона входа в метро, еще чуть подальше – увитый зеленью фасад Клозри-де-Лила. Карадек включил поворотник, чтобы свернуть на проспект Обсерватуар, и миновал фонтан, где плескался целый табун каменных коней, орошая все вокруг брызгами и водяной пеной. Оставив машину под каштанами, он вышел, хлопнув дверцей, и постоял какое-то время рядом, чтобы докурить сигарету. Лениво разглядывая расположенный напротив маленький зеленый дворик, за которым виднелось здание Центра Мишле из красного кирпича, теплых африканских тонов, заметил детей, играющих на детской площадке. Карадек погрузился в воспоминания. Когда-то давным-давно, когда он жил на бульваре Сен-Мишель, ему случалось приходить сюда поиграть со своей дочуркой. Безоблачные были времена, но только потом он понял, что это было счастье. Марк зажмурился, но воспоминания не отпускали, картинки множились, и перед глазами вставали другие сцены, другие места. В ушах стоял звонкий смех дочки, когда ей было всего пять-шесть лет: как она каталась с горки, кружилась на карусели около Сакре-Кер, вприпрыжку скакала за мыльными пузырями… Он вспомнил, как на пляже Паломбаджи держал дочку на руках, а она, запрокинув личико к небу, показывала пальчиком на кружащего в вышине бумажного змея.

В определенном возрасте человек уже ничего не боится, кроме воспоминаний. Где он это слышал? Попытался вспомнить, но не смог. Раздавив потухшую сигарету каблуком на тротуаре, Карадек перешел улицу, позвонил в дверь большого дома и стал торопливо подниматься по ступенькам. Как и некоторые другие бывшие полицейские, он сохранил служебное удостоверение. Сунув его под нос хорошенькой брюнетке в приемной, Марк сказал:

– Следственный отдел, мадемуазель. Мне нужно поговорить с доктором.

– Сейчас я его предупрежу.

Ему понравилось вновь испытать почти забытые ощущения: почтительность со стороны населения, желание угодить представителю власти, демонстрация уважения – сезам цветов французского флага творил чудеса… Он приготовился ждать, опершись о стойку регистрации. Должно быть, кабинет дантиста недавно ремонтировали – в воздухе ощущался запах свежей краски. Интерьер был очень мил: в стиле хай-тек и одновременно очень уютный: стойка и кресла из светлого дерева, стеклянные стены и бамбуковая ширма. В приемной приглушенно звучала успокаивающая музыка, напоминающая плескание волн о морской берег, слышались звуки флейты и романтической арфы. Просто потрясающе!

Вопреки ожиданиям, доктор Лельевр оказался молодым человеком, еще не перешагнувшим сорокалетний рубеж. Круглая большая голова, короткая стрижка, веселые глаза за стеклами очков в оранжевой оправе. Короткие рукава больничного халата позволяли увидеть впечатляющую татуировку на запястье в виде единорога.

Они поздоровались, и Карадек, протянув дантисту свой мобильник, на экране которого высветилась недавняя фотография Анны, присланная ему Рафаэлем, спросил:

– Вы знаете эту женщину, доктор?

Лельевр ответил, не моргнув глазом, в ту же секунду:

– Разумеется. Это одна студентка, которой я сдавал комнату лет пять назад. Анна, кажется, или что-то в этом роде…

– Анна Бекер.

– Да-да, именно так. Если не ошибаюсь, она училась на факультете Пари-Декарт.

– А что еще вы можете о ней вспомнить?

Лельевр задумался ненадолго, копаясь в памяти.

– Да, собственно, ничего особенного. Она была аккуратной девушкой – таким приятно сдавать квартиру; скромная, всегда платила вовремя… наличными, но я все отразил в налоговой декларации. Если вы сомневаетесь, я запрошу нужные справки и предоставлю…

– В этом нет необходимости. Скажите, к ней часто захаживали гости?

– Насколько я помню, никто к ней не приходил. Такое впечатление, что она с утра до вечера сидела за учебниками. Но к чему эти расспросы, капитан? С ней что-то случилось?

Карадек почесал кончик носа, пропустив вопрос мимо ушей.

– И последнее, доктор: может, вы знаете, где Анна жила до того, как поселиться у вас?

– Знаю, конечно: она снимала комнату у бывшего мужа моей сестры.

Марк почувствовал, словно его слегка дернуло током. Это как раз та информация, ради которой он и пришел.

– Его зовут Мануэль Спонтини, – продолжал дантист. – После развода ему пришлось продать свою квартиру на Университетском проспекте, при ней была комната для прислуги.

– Именно там и проживала Анна?

– Именно так. Я говорил сестре, что хочу сдавать комнату и ищу жильца. Она и дала Анне мои координаты.

– А где я смогу найти этого Спонтини?

– Он держит булочную на улице Франклина Рузвельта, но хочу вас предупредить: он скользкий тип. Моя сестра многого натерпелась, пока не ушла от него.

2

Отчаявшись остановить такси у Порт-д'Орлеан, я вскочил в автобус № 68.

– Остановка «Улица дю Бак»? Вы там будете через двадцать минут, – пообещал водитель.

Я плюхнулся на сиденье, совершенно сбитый с толку и обессиленный, будто кто-то со всей силы дал мне под дых, и стал вспоминать, что мне довелось узнать и увидеть за последние несколько часов: фотография с тремя трупами, полмиллиона евро, засунутые под плинтус, фальшивые документы. Все это казалось абсолютно несовместимым с образом молодой женщины, которую я, казалось, хорошо знал: студентка-отличница, работяга, отличный педиатр, внимательная и добрая к детям, веселая и ласковая в кругу друзей. Я спрашивал себя, какое событие могло произойти, чтобы жизнь Анны так резко пошла под откос.

Усилием воли я старался вернуть себе самообладание. Пользуясь временной передышкой, решил узнать в Интернете что-нибудь о месте, куда лежал мой путь, – о лицее Сен-Сесиль.

В этом особом заведении под эгидой католической церкви учились только девочки. Министерство образования не вмешивалось в его деятельность, но, как ни странно, в отличие от других монастырских школ, ученицы этой школы всегда блистали на экзаменах, особенно по естественным наукам. Хотя и преподавание религиозных предметов здесь тоже имело место; плюс к этому – присутствие на церковной службе дважды в неделю, обязательные молитвы, катехизис по средам во второй половине дня и участие в разных благотворительных мероприятиях.

Водитель не обманул. Еще не было и одиннадцати, как мы уже выруливали на улицу дю Бак.

Сен-Тома-д'Акэн. Самое сердце Парижа. Шикарное место. Аристократический район, где расположены министерства, роскошные отели, богатые дома из обтесанного серого камня, все как один под иссиня-черной грифельной черепицей.

Через пару шагов я оказался на улице Гренель, позвонил у тяжелых ворот под каменной аркой, а когда мне открыли, показал свой паспорт. Консьерж впустил меня, и я очутился во внутреннем дворике: мощеный двор в форме каре, как в монастырях, много зелени и цветов, по краям растут невысокие сливы и лавровые кусты, в середине – фонтан, окаймленный

каменной оградой, что придавало всему пространству вид тосканского сада. Негромкий звук колокола призвал к смене занятий. Двор наполнился лицеистками в темно-синих плиссированных юбочках и в пиджачках с вышитой на лацкане эмблемой. Они не спеша пересекали двор парами или небольшими группами. Плеск водяных струй в фонтане, шум листвы, тихие разговоры девушек в одинаковой униформе переносили случайного посетителя далеко от Парижа, в Италию 50-х годов, в Акс-ан-Прованс или в далекий английский колледж.

На какое-то время я вдруг представил себе двор моей школы. Лицей Сальвадора Альенде в Эссоне. Начало 90-х годов, за тысячу лье от этого райского уголка. В бетонном загоне две тысячи школьников. Насилие, наркотики, пыль, теснота. Преподы жмутся по углам, стараясь держаться подальше от шума и гама школьной перемены. Редкие приличные ученики, над которыми в лучшем случае издевались, в худшем – поколачивали. Другая планета. Другой мир. Мир грязный и неуютный, из которого я сбежал, как только начал писать рассказы.

Я потер глаза, чтобы прогнать неприятные воспоминания, и обратился к садовнику, который поблизости поливал из шланга разросшиеся кусты шалфея. В ответ получил:

– Где найти директора? О, это просто! Мадам Блондель. Вон она! Видите? Рядом с аркой.

Клотильда Блондель… Кажется, я видел это имя на сайте. Я поблагодарил садовника и направился к директрисе. Это была та самая женщина, которую я заметил на классной фотографии, найденной в квартире у Анны. Невысокого роста, худенькая, лет пятидесяти, в легком твидовом костюме и в обтягивающей трикотажной кофточке терракотового цвета. Клотильда Блондель в самом деле была блондинкой, изящной и будто светящейся изнутри, нечто среднее между Гретой Гарбо и Дельфин Сейриг. Она стояла, купаясь в золотых лучах летнего солнца, невесомая, словно небесное создание.

Ее рука лежала на плече ученицы, они о чем-то тихо беседовали. Я не стал прерывать их разговор и замедлил шаг, чтобы лучше к ней присмотреться. Тонкие черты лица без признаков возраста, природная грация и ни капли надменности. Ей было самое место в этом саду, как раз между статуями Пресвятой Девы и святой Сесили. От нее исходила какая-то поистине материнская теплота, надежность и спокойная уверенность. Девочка, с которой она вела беседу, говорила тихим грудным голосом, глотая слова. Как только они закончили, я подошел, чтобы представиться.

– Добрый день, мадам. Меня зовут…

В ее изумрудных глазах вспыхнула искорка.

– Я прекрасно знаю, кто вы, Рафаэль Бартелеми.

Для меня это стало так неожиданно, что я смутился. Она продолжала:

– Во-первых, потому, что я читала ваши книги, а главное, потому, что Анна вот уже полгода только о вас и говорит.

Я старался не показывать виду, что шокирован. Мое замешательство, казалось, забавляло Клотильду Блондель. Вблизи она меня еще больше интриговала. Точеный профиль, духи с ароматом лилии, золотистая прядь волос на высоких скулах.

– Мадам Блондель, как давно вы видели Анну в последний раз?

– Мы с ней обедали вместе на той неделе. Как обычно, во вторник.

Я вздрогнул. С тех пор, как мы знакомы, Анна всегда говорила, что по вторникам занимается в спортзале. Но я уже ни в чем не был уверен…

Клотильда заметила мое недоумение.

– Рафаэль, вы ведь пришли сюда сегодня, так как знаете, кто я. Не правда ли?

– Не совсем так. Я здесь, потому что беспокоюсь за Анну. – Я протянул ей фотографию в пластиковом файле. – Вот эта фотография помогла мне добраться до вас.

– Где вы ее нашли?

– В квартире, где живет Анна. Должно быть, она для нее что-то значит, так как это единственная фотография, которую она хранит.

Она взглянула на меня с негодованием.

– Вы копались в ее вещах без разрешения?

– Позвольте, я вам объясню…

В двух словах я рассказал директрисе об исчезновении Анны, правда, не вдаваясь в подробности о причине нашей размолвки. Она выслушала меня с равнодушно-холодным видом.

– Если я правильно поняла, вы поссорились с вашей невестой, и она вернулась в Париж одна, чтобы проучить вас. Надеюсь, по крайней мере, что после этого вы поняли, какую глупость совершили.

Я не был готов к такому повороту событий.

– Мне кажется, вы должны понять, что ситуация гораздо серьезнее. Мое присутствие здесь доказывает, что дело не просто в банальной семейной ссоре. Все гораздо страшнее.

– Учтите на будущее – я настоятельно вам советую больше не шарить в ее вещах. Я хорошо знаю Анну и уверяю вас: она, мягко говоря, такое не одобряет.

Куда исчез мягкий голос и плавные интонации?! Клотильда Блондель чеканила слова жестко, отрывисто.

– Но я уверен, что у меня были веские основания так поступить.

Икры в глазах ее потухли, взгляд потемнел.

– Возьмите вашу фотографию и уходите!

Она повернулась ко мне спиной, но я настаивал:

– Подождите, мне хотелось поговорить с вами о другой фотографии…

Она уже удалялась, поэтому мне пришлось повысить голос, чтобы она услышала мой последний вопрос:

– Мадам Блондель, Анна показывала вам фото с тремя обгоревшими телами?

Несколько лицеисток, проходящих случайно мимо, обернулись, услышав мой голос. Директриса застыла на месте, потом повернулась ко мне.

– Я думаю, нам лучше подняться ко мне в кабинет.

3

Восьмой округ Парижа.

Карадек включил поворотник, опустил солнцезащитный экран и припарковал машину на платной стоянке на площади Сен-Филипп-дю-Руль.

Магазин Спонтини занимал весь первый этаж дома на углу улицы Боэти и проспекта Франклина Рузвельта. Шоколадные жалюзи закрывали половину стеклянной витрины, над ними – золотистые ламбрекены. В витрине выставлены хлеб в широком ассортименте, булочки и изысканная венская выпечка. Марк открыл дверь и вошел. Продавщицы готовились к наплыву посетителей, которые в этом деловом квартале часто заходили сюда в обеденный перерыв, расставляли на прилавках сэндвичи, салаты в вакуумной упаковке, тарталетки с овощами и мясом. У Марка при виде этих яств разыгрался аппетит. Утром ему пришлось отложить свой завтрак, когда к нему неожиданно заявился Рафаэль, так что со вчерашнего вечера он ничего не ел. Карадек заказал у девушки сэндвич с пармской ветчиной и спросил, где найти хозяина, Мануэля Спонтини. Она кивком головы указала ему на бистро, расположенное на противоположенной стороне улицы.

На открытой террасе заведения, без пиджака, в одной рубашке, сидел перед кружкой пива Спонтини и листал «Экип». Сигарилла в зубах, темные очки на носу, густые бакенбарды и лохматая шевелюра придавали ему диковатый вид. Булочник был похож на Жана Янна из фильмов Шаброля или Пьяла.

– Месье Спонтини? Мы можем с вами поговорить пару минут?

Карадек застал его врасплох, решительно сел напротив, положив локти на стол, как будто приглашая помериться силой в армрестлинг.

– Но… черт побери, кто вы такой? – рявкнул булочник, инстинктивно отпрянув.

– Капитан Карадек, следственный отдел. Веду расследование по поводу исчезновения Анны Бекер.

– Не знаю такую.

Марк невозмутимо сунул ему под нос фотографию Анны на экране своего мобильника.

– В первый раз вижу.

– Советую тебе посмотреть повнимательней.

Булочник вздохнул и нехотя наклонился поближе к экрану.

– Какая красотка… смуглая куколка! Я бы с ней позабавился.

Марк молниеносно вскочил, схватил Спонтини за волосы и с силой прижал лицом к металлическому столу. Стол качнулся, кружка с пивом грохнулась на пол и разбилась вдребезги. На жалобный вопль булочника оглянулся официант заведения.

– Я вызову полицию!

– Это я тут полиция, юноша, – заявил Карадек, свободной рукой достав из кармана удостоверение. – Лучше принеси мне перье.

Официант побежал выполнять заказ. Карадек ослабил хватку.

– Кретин, ты мне нос сломал! – стонал Спонтини.

– Заткнись! Давай рассказывай все, что знаешь об Анне. Я в курсе, что она снимала у тебя комнату.

Оторвав кусок бумажной салфетки, булочник промокнул кровь, вытекающую струйкой из левой ноздри.

– Она называлась по-другому.

– Что это значит?

– Она сказала, что ее зовут Паже. Полина Паже.

Полицейский достал фальшивое удостоверение личности Анны и кинул его на стол, как козырную карту из колоды. Спонтини взял документ в руки и долго его рассматривал.

– Ага, именно эту карточку она мне и показала, когда мы впервые увиделись.

– Когда это было?

– Не помню.

– Уж напряги память.

Официант как раз принес Марку перье. Спонтини, в который раз промокнув кровоточащий нос, погрузился в воспоминания. Он принялся размышлять вслух:

– Когда мы выбирали Саркози в президенты?

– В мае две тысячи седьмого.

– Ага… значит, после этого, летом, в Париже разразилась страшная гроза. Наш дом затопило. Часть крыши пришлось перекрывать и чинить верхние комнаты. Ремонт закончился только осенью. Нужны были деньги, и я развесил объявления в трех своих магазинах. Смуглянка Барби откликнулась первая.

– Так когда это было?

– Наверное, в октябре седьмого. Или позже, в ноябре, в начале месяца…

– Ты официально оформил аренду? Платил налог?

– Ты что, парень? За кого ты меня принимаешь? С нашими налогами можно без штанов остаться. Ты хочешь, чтобы я платил налог за комнату в двенадцать квадратных метров? Всего-то за шестьсот евро наличными в месяц. Хочешь – соглашайся, хочешь – нет. Мы так условились, и девчонка всегда платила.

– В две тысячи седьмом она была еще несовершеннолетней. Ей исполнилось к тому моменту не больше шестнадцати.

– По документам все было в норме.

– Ты же сам видишь, что бумаги фальшивые.

Мануэль Спонтини пожал плечами.

– Да пусть хоть пятнадцать или двадцать! Мне какая разница? Я не собирался с ней спать, я всего лишь сдавал ей комнату.

Он раздражался все больше, ему хотелось встать и уйти. Когда его стул заскрипел железными ножками по асфальту, Карадек схватил его за руку и удержал за столом.

– Когда вы с ней встретились впервые, какой она тебе показалась?

– Черт возьми! Я не помню! Это же было лет десять назад!

– Чем скорее ты вспомнишь, тем скорее я тебя отпущу.

Спонтини тяжело вздохнул.

– Испуганная какая-то, немного чокнутая. Первое время, как мне показалось, она вообще носу не высовывала из своей конуры. Всего боялась.

– Продолжай. Вспомни еще что-нибудь, какие-нибудь детали, и я тебя отпущу.

– Ну не знаю… Она говорила вроде, что сама из Америки, что приехала в Париж, чтобы учиться в Университете…

– Американка, что ли? И ты ей поверил?

– Она действительно говорила с акцентом, как янки. По правде говоря, мне было вообще наплевать. Она заплатила за три месяца вперед, вот это для меня имело значение. Она утверждала, что родители дают ей деньги.

– А ты их видел когда-нибудь?

– Нет, я вообще никого у нее не видел… Ах нет! К ней заходила какая-то блондинка, несколько раз. С виду приличная. Лет сорока. Аппетитная такая, фигуристая. Я бы не прочь с такой позабавиться. Ты меня понимаешь? Что-то типа Шэрон Стоун или Джины Девис.

– Знаешь ее имя?

Спонтини отрицательно покачал головой. Карадек вернулся к разговору о девушке:

– Ладно, ты не заметил, может, девчонка занималась какими-нибудь темными делишками?

– Чем, например?

– Наркотики? Проституция? Рэкет?

У булочника округлились глаза:

– Ты что, парень… Ты не там ищешь. Если хочешь знать мое мнение, то знай: она просто-напросто хотела учиться и жить спокойно. Неприятности ей были не нужны.

Марк кивнул булочнику, что тот свободен и может идти, а сам какое-то время продолжал сидеть за столиком в кафе, обдумывая факты, которые ему поведал Спонтини. Он уже собрался уходить, как его мобильный начал вибрировать. Его вызывала Матильда Франсанс. Он ответил:

– Ну как, есть что-нибудь для меня?

– Да, я нашла досье на Анну Бекер. Но это совсем не совпадает с тем, что ты мне говорил. Если верить этим данным, то девушка…

4

– Я всегда этого боялась. Я знала, что когда-нибудь это случится, но и представить себе не могла, что все так обернется.

Клотильда Блондель сидела за письменным столом в стиле модерн, представляющим собой прозрачную поверхность из толстого стекла, покоящуюся на двух хромированных ножках. Ее кабинет, возвышавшийся над школьным двором, был оформлен по современной моде в полном несоответствии со старинным стилем и церковными традициями монастыря Сен-Сесиль. Я-то ожидал увидеть мебель XVIII века, стеллажи библиотек, уставленные авторами

Плеяды[6] и старыми церковными книгами с переплетами из тисненой кожи, а вместо этого попал в полупустую стильную комнату с белыми стенами. На столе лежали открытый ноутбук и смартфон в изящном кожаном футляре, стояли фотография в рамке из светлого дерева и репродукция чувственной статуэтки Бранкузи.

– Мадам Блондель, вы давно знакомы с Анной?

Директриса посмотрела мне прямо в глаза, но вместо того, чтобы ответить на мой вопрос, сказала, словно упрекая меня в чем-то:

– Анна безумно в вас влюблена. Я впервые вижу, чтобы она так увлеклась мужчиной. Но, как я вижу, вы достойны такой любви.

Я повторил свой вопрос, но она опять проигнорировала его.

– Когда Анна спросила, что я об этом думаю, я посоветовала ей открыть вам правду, но она испугалась вашей реакции. Боялась потерять вас…

Воцарилось молчание. Затем директриса тихо, словно разговаривая сама с собой, сказала:

– Сабато прав: «Истина хороша для химии и математики, но не для жизни».

Я поежился. Очевидно, что Клотильда Блондель многое знала. Чтобы завоевать ее доверие, я решил ничего от нее не скрывать и рассказал все: про 400 тысяч евро, которые мы нашли в комнате Анны, и про фальшивые паспорта на имя Магали Ламбер и Полины Паже.

Она выслушала меня с подозрительным равнодушием, как будто я просто напомнил ей о каких-то малозначительных и малоприятных событиях, о которых и вспоминать-то не хотелось.

– Полина Паже… Именно так она назвалась, когда мы впервые встретились.

Опять молчание. Блондель вдруг схватила сумочку, лежащую на скамеечке рядом с ней, достала тонкую длинную сигарету и лакированную зажигалку и закурила.

– Это произошло в две тысячи седьмом, двадцать второго декабря, в субботу, во второй половине дня. Я так хорошо запомнила дату, потому что каждый год в этот день мы отмечаем в школе Рождество. Для нашего заведения это важное событие: мы собираем всех наших учениц, приглашаем их родителей, чтобы вместе отпраздновать день рождения Христа…

Теперь ее голос изменился, стал сухим и резким, голос курильщика со стажем.

– В тот день шел сильный снег, – продолжала директриса, выпуская облачка дыма с ментоловым ароматом. – Никогда не забуду эту девушку, дьявольски красивую, появившуюся неизвестно откуда в темно-сером плаще, туго перехваченном у талии ремнем.

– Что она вам сказала?

– Она поведала мне историю, похожую на правду. В ее речи слышался небольшой акцент, который она старалась скрыть. Будто бы ее родители, родом из Франции, были в свое время высланы в Мали, она училась там во французском колледже, потом в лицее в Бамако. Но родители хотели, чтобы она получила высшее образование в Париже, поэтому и отправили ее в школу Сен-Сесиль заканчивать бакалавриат. В доказательство своих слов она протянула мне конверт с восемью тысячами евро для оплаты первого года обучения.

– Эту историю она придумала?

– От начала и до конца. Я направила запрос во французский лицей в Бамако, чтобы они прислали мне оценочный лист, подтверждающий ее обучение. Это необходимо, чтобы принять нового ученика. Они ответили, что никогда о такой и не слышали. Я не знала, где искать концы. Чем больше я старалась докопаться до истины, тем хуже становилось мое мнение об Анне.

Клотильда Блондель потушила сигарету.

– На следующий день я отправилась по адресу, который мне дала Анна: небольшая комната для прислуги, которую она снимала на Университетском проспекте. Мы провели вме-

[6] Поэтическое объединение во Франции XVI в., которое возглавлял Пьер де Ронсар.

сте целый день, и я поняла, что она – из тех людей, которых можно встретить лишь раз в жизни. Одинокое, несчастное существо, женщина-ребенок, в мучительных попытках перестроить свою жизнь, но нацеленная на успех. Она попала в Сен-Сесиль не случайно: у нее был разработан четкий план профессиональной карьеры, она хотела стать врачом. Умненькая, работоспособная до предела; ей необходимо было получить хорошее образование, чтобы добиться своего и преуспеть.

– Какое же решение вы приняли?

Вдруг кто-то постучал в дверь директорского кабинета. Это был заместитель Блондель, пришедший согласовать расписание занятий. Клотильда попросила его немного подождать, и в тот момент, когда за ним закрылась дверь, спросила:

– Рафаэль, вы читали Евангелие от Матфея? «…Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их»[7]. Я посчитала своим христианским долгом помочь Анне. А в тот момент «помочь» означало спрятать ее.

– Спрятать от кого?

– Ни от кого конкретно… и от всех. Именно в этом и заключалась проблема.

– В каком смысле?

– В том смысле, что я решила предоставить Анне возможность учиться у нас, но не стала записывать ее в академический реестр.

– И вы ни о чем ее больше не спрашивали?

– Мне не нужны были лишние вопросы. Я обо всем догадалась сама.

– И в чем заключалась ее тайна?

У меня перехватило дыхание. Я чувствовал, что приблизился к истине. Но Клотильда Блондель развеяла мои надежды:

– Не я должна открыть вам правду, Рафаэль Бартелеми. Я поклялась Анне, что никому не стану рассказывать о ее прошлом. И эту клятву я никогда не нарушу.

– Но скажите хоть что-нибудь.

– И не просите. От меня вы ничего не узнаете. Поверьте, если когда-нибудь вам станет известна эта история, то пусть лучше она сама вам все расскажет, чем ее тайну откроет кто-то другой.

Я обдумывал только что сказанное директрисой. Что-то тут не клеилось.

– Прежде чем зарабатывать себе на жизнь писательским трудом, я несколько лет работал учителем. Я знаю систему: нельзя сдать экзамены в бакалавриате досрочно, после первого года обучения, если вы не числитесь в каком-нибудь учебном заведении.

Директриса опустила голову.

– Вы правы. Анна и не сдавала экзамены в тот год.

– Это значит взять отсрочку, чтобы лучше подготовиться? В выпускном классе проблема все равно осталась, не так ли?

– В положенный срок, после выпускного класса, больше шансов решить эту проблему. Чтобы претендовать на высшее образование, Анна в любом случае должна была сдать экзамены и получить диплом бакалавра.

Блондель закурила вторую сигарету и, несколько раз коротко вздохнув, продолжила рассказ:

– Все лето перед началом учебного года я жутко нервничала. Я не знала, что делать, и чуть не заболела из-за всей этой истории. Дело в том, что Анна стала частью моей семьи. Я обещала помочь ей, но мы оказались перед неразрешимой проблемой, и нас ждала катастрофа.

Директриса опустила глаза. Ее лицо исказила болезненная гримаса, словно она заново ощутила пережитые страдания.

---

[7] Мф. 7:14.

– Но, как часто это бывает, решение нашлось само собой.

В подтверждение своих слов она протянула мне фотографию, стоящую перед ней на столе в рамке из светлого дерева. Я взял ее в руки и, ничего не понимая, тупо глядел на снимок.

– Кто это? – спросил я.

– Моя племянница. Настоящая Анна Бекер.

5

Марк Карадек мчался на полной скорости, удаляясь от Парижа, наматывая километры, пренебрегая всеми правилами дорожной безопасности. Он хотел, он просто был обязан своими глазами убедиться в том, что информация, которую дала ему знакомая, коллега по отделу социальной защиты Матильда Франсанс, была достоверной. Марк сигналил как сумасшедший любому, кто пытался его обогнать, и еле успел в последний момент свернуть с магистрали на нужную боковую трассу. Бетонка, спиралью уходящая в гору, показалась ему подвешенной в пустоте. Кружилась голова, в ушах стоял шум. Бутерброд, который он сжевал по пути, теперь тошнотой поднимался к горлу. На какое-то время ему показалось, что он окончательно заблудился в клубке местных дорог, но, подключив навигатор, Карадек сориентировался и постепенно успокоился.

Он миновал перекресток с круговым движением на въезде в Шатнэй-Малабри, потом свернул на узкую дорогу в направлении к Верьерскому лесу – и не позволил себе снизить скорость до тех пор, пока не кончился бетон и колеса не зашуршали по проселочной дороге. Когда его обступили каштаны, клены и кусты орешника, растущие вдоль дороги, Карадек опустил боковое стекло. Преодолев последние метры дороги по сухому песку, он оказался перед необычным строением.

На покрытой гравием открытой стоянке Марк припарковал свой «Рейнджровер» и вышел, хлопнув дверцей. Какое-то время постоял, задумавшись, руки за спиной, глядя на странное сооружение, представляющее собой противоестественное смешение старинной каменной кладки и современных материалов: стекло, металл, полупрозрачный бетон.

Старинную богадельню, возведенную не меньше двух столетий назад, осовременили (кощунство, подумал Карадек), модернизировали, установив солнечные батареи с фотогальваническими элементами на крыше, но оставив густой зеленый плющ на стенах.

Полицейский направился к необычной постройке и вошел внутрь. В холле находились какие-то люди, но немного, у стойки регистратора – вообще никого. Он полистал проспекты, лежащие на столике, в которых рассказывалось о заведении. Оказалось, что это – медицинское учреждение, госпиталь Сент-Барб, предназначенный для полусотни инвалидов и больных с синдромом аутизма. Травмы и разного рода неизлечимые заболевания требовали, чтобы эти несчастные все время находились под присмотром врача.

– Могу я вам как-то помочь?

Карадек обернулся на голос, окликнувший его.

Молодая женщина в белом халате вставляла монетки в аппарат.

– Полиция, следственный отдел. Капитан Марк Карадек, – представился он, подходя поближе.

– Малика Ферчичи, я здесь работаю, медико-психологическая помощь, – сказала в ответ женщина.

Она нажала на кнопку, чтобы получить заказанный напиток, но аппарат не сработал.

– Опять сломался! Это ж надо! Проклятая машина уже съела пол моей зарплаты!

Марк схватился руками за аппарат и стал трясти его сильно, но осторожно. Не прошло и минуты, как бутылочка скатилась в контейнер.

– На этот раз по крайней мере вы не остались без напитка, – сказал он, протягивая ей бутылочку колы.

– Я в долгу перед вами.

– Это кстати, мне как раз нужна помощь. Я приехал сюда, чтобы уточнить кое-какую информацию по поводу одной вашей пациентки.

Малика откупорила бутылочку колы и сделала глоток. Пока она утоляла жажду, Марк рассматривал ее лицо, матовую кожу, подведенные красным карандашом красиво очерченные губы, синие глаза цвета сапфира, строгую прическу.

– Я бы с радостью вам помогла, но вы же знаете, не имею права. Лучше обратитесь к директору, он…

– Послушайте, зачем будоражить администрацию ради простого уточнения?

Малика с усмешкой взглянула на него.

– Уверяю вас, можете быть спокойны в этой ситуации. Тут нет ничего противозаконного. – Она отпила еще глоток. – Знаю я ваши полицейские штучки. Мой отец – один из ваших, как принято говорить.

– В каком подразделении он служит?

– По борьбе с наркотиками.

Карадек задумался на минуту.

– Так вы дочь Селима Ферчичи?

Она кивнула.

– Неужели вы знакомы?

– Да нет, просто слышал о нем.

Малика посмотрела на часы.

– О! Мне пора вернуться к работе. Рада была познакомиться, капитан.

Она направилась в сторону широкого светлого коридора с бутылочкой колы в руке, но Марк догнал ее.

– Пациентку, о которой я навожу справки, зовут Анна Бекер. Вы можете просто проводить меня к ней?

Они прошли мимо патио, где в кадках в художественном беспорядке стояли ухоженные растения: частокол из бамбуковых стеблей, роща низкорослых пальм, кактусы разных видов.

– Если вы хотели о чем-то ее спросить, то попали пальцем в небо.

Они как раз подошли к открытой площадке, где в тенистой роще, под кленами и березами, под неусыпным наблюдением персонала отдыхали больные.

– Уверяю вас, я не буду с ней разговаривать. Мне просто надо знать…

Малика указала пальцем на одну из пациенток.

– Вон она, в кресле на краю поляны; это и есть Анна Бекер.

Карадек, загородившись рукой от яркого солнца, посмотрел в ту сторону, куда указывала Малика. Действительно, он увидел там девушку лет двадцати, в свитере с круглым воротником, расположившуюся в инвалидном кресле, в наушниках, обратив лицо к небу. Ее удлиненное лицо в ореоле светло-русых волос с детскими заколочками казалось безмятежным, застывший взгляд за цветными очками блуждал в пустоте.

Малика пояснила:

– Это ее любимое занятие: слушать радиокниги.

– Чтобы уйти в себя?

– Чтобы путешествовать, мечтать, узнавать что-то новое. Она может заниматься этим днями напролет. Вы удивитесь, если узнаете, сколько тонн подобной литературы я скачиваю для нее из Интернета.

– Как называется ее болезнь? – Марк достал из кармана блокнот, чтобы свериться с записями. – Мне говорили о болезни Фридриха. Это так?

– Атаксия Фридриха, – уточнила Малика, – нервно-дегенеративное заболевание. Редкая генетическая аномалия.

– Давно вы знаете Анну?

– Да, когда я была еще студенткой, мы проходили практику в медицинском центре на улице Палатин. Она лечилась там до тех пор, пока ей не исполнилось девятнадцать.

Карадеку стало не по себе; от смущения он стал копаться у себя в карманах, словно хотел что-то найти.

– Когда это у нее началось?

– Довольно рано. Я бы сказала, что симптомы могли проявиться в восемь или девять лет.

– И каковы симптомы, как это проявляется?

– Трудно удерживать равновесие, начинаются проблемы с координацией движений, искривляется позвоночник, деформируются конечности.

– Как это проявилось у Анны?

– Дайте мне сигарету.

Марк наклонился, чтобы дать женщине прикурить от своей зажигалки, и вдруг ощутил волну свежего аромата, исходящую от ее тела: лимон, ландыш и базилик. Зеленая нота, волнующая и пьянящая.

Она глубоко затянулась, прежде чем ответить на его вопрос.

– Анна довольно рано потеряла способность передвигаться самостоятельно. Потом, к тринадцати годам, болезнь вроде как отступила, и ее состояние более или менее стабилизировалось. Вам следует знать, что атаксия Фридриха никак не отражается на интеллекте. Анна – чрезвычайно умная девушка; конечно, она не получила образование в нашем понимании, но еще не так давно проводила много времени в Интернете и посещала на портале МООС[8] курсы по информатике.

– Но болезнь обострилась.

Марк закончил ее мысль, и Малика подтвердила это, печально кивнув.

– С некоторых пор врачи заметили осложнения со стороны сердечно-сосудистой и дыхательной системы; миокардиопатия истощает сердечную мышцу.

Карадек тяжело вздохнул. Его охватила ярость. Жизнь – поганая штука! Почему одним достается все, а другим приходится бороться за свое существование в самом жестоком смысле этого слова; как в картах – одним достаются козыри, а другие обречены проигрывать? От такой несправедливости его сердце охватил гнев. Он и не думал, но с этого дня опять стал чувствительным к чужой беде. Даже слишком. Так было и раньше, когда расследование задевало его за живое. Эмоции, раздражение, горячий нрав бурлили в нем, как лава перед извержением вулкана.

Малика поняла его переживания:

– Но даже если болезнь неизлечима, мы имеем возможность обеспечить нашим больным хорошее, насколько это возможно, качество жизни и облегчить их страдания. Сеансы массажа, эрготерапия, различные физиотерапевтические процедуры – все это в наших силах. В этом и есть смысл моей работы.

Марк не ответил, молча сжимая пальцами давно потухшую сигарету. Как же могла получиться такая подмена личности? Конечно, с точки зрения защиты данных ему просто повезло, что он сумел раскрыть жульничество с медицинскими картами, позволившее осуществить такой подлог (ущерб от разного рода махинаций со страховкой насчитывает десятки миллионов евро), но с подобной схемой он столкнулся впервые.

– На этот раз мне действительно пора, – напомнила Малика.

---

[8] МООС (*англ.* Massive Open Online Course) – образовательный портал, аналогичный российскому «Открытому университету».

– Я оставлю вам свой телефон на всякий случай.

Записывая на карточке свой номер, Карадек задал девушке еще один вопрос:

– Скажите, Анну кто-нибудь навещает?

– Конечно. Прежде всего – ее тетя, Клотильда Блондель, она приезжает раз в два-три дня; а также одна юная особа, мулатка, всегда элегантно одета, со строгой прической.

Карадек дал ей посмотреть фото с экрана мобильника.

– Да, это она, – подтвердила Малика. – Вы ее знаете?

5
Индианочка и ковбои

Мир людей […] – это бесконечная война воспоминаний, где одно противоречит другому.
Харуки Мураками

1

Я остановил такси и вышел на углу Одесской улицы и бульвара Эдгана Кинэ. Взглянул на часы. Уже полдень. Через десять минут толпы служащих из офисов со всего квартала хлынут на улицу, и тогда уже не найти уютного местечка под солнцем. Но пока еще есть время занять свободный столик. И я нашел такой на террасе в «Коломбина и Арлекин», в кафе на площади, где заказал себе бутылку воды и печеную дорадо. Я часто сюда захаживал, чтобы перекусить на скорую руку, поэтому многие официанты меня знали.

На тротуаре, за столиками кафе – повсюду отчетливо видны признаки лета: солнечные очки, рубашки с короткими рукавами, короткие юбочки. Несколько деревьев в квадратике земли среди расплавленного асфальта не в силах противостоять солнцепеку. На юге страны, конечно, над столиками давно развернули бы зонты, но в Париже все так боятся, что лето скоро кончится, что готовы терпеть солнечное наваждение.

Я закрыл глаза и тоже подставил лицо ярким лучам. Как будто солнечный свет и жара могли привести в порядок мои мысли.

Мы долго разговаривали с Карадеком по телефону. Обменявшись информацией, пришли к выводу, что пора ставить точку, и решили встретиться здесь, в кафе. В ожидании его возвращения я достал ноутбук и открыл новый файл. Чтобы осмыслить пережитое, мне нужно было записать факты, зафиксировать даты, выложить гипотезы «на бумагу».

Я уже не сомневался в том, что женщина, которую я люблю, была не той, за которую себя выдавала. Идя по следу, действуя независимо друг от друга, мы с Марком установили, что до осени 2007 года Анна звалась иначе. Я продолжил работу над текстом, приняв решение подробно изложить на бумаге все, что нам удалось выяснить:

Конец октября 2007: девушка примерно шестнадцати лет (приехавшая из Соединенных Штатов —?) оказывается в Париже, имея при себе около 400 тысяч евро. Ей надо скрыться, за наличные она снимает небольшую комнату для прислуги у хозяина, который не задает ей лишних вопросов. Она очень напугана только что пережитыми событиями, но ей хватает сообразительности выправить себе документы. Сначала – поддельный паспорт не слишком хорошего качества, но позже ей удается сделать более достоверную фальшивку.

В декабре она приходит в католическую школу, лицей Сен-Сесиль, где проходит обучение, сдает экзамены и получает диплом бакалавра, выдавая себя за Анну Бекер, племянницу директрисы лицея Клотильды Блондель.

Очень удачное решение проблемы идентичности: настоящая Анна Бекер прикована к инвалидному креслу, не покидает стен больницы, не путешествует, не водит машину, нигде не учится.

В 2008-м, написав заявление о пропаже или об утере документов, «поддельная» Анна Бекер заявляется в мэрию и просит восстановить ей паспорт и прочие документы. С этого момента идентичность становится практически полной. В подлинных документах вклеена ее собственная фотография, и она может спокойно жить под именем «Анна», которое ей не

принадлежит. И хотя у нее теперь есть и социальная карта, она тем не менее соблюдает осторожность, следуя правилу оплачивать наличными лекарства и любое обращение к врачу, чтобы не привлекать внимание социальной службы к своей персоне.

Официант принес мне заказанное блюдо, и я, ненадолго оторвавшись от экрана компьютера, выпил глоток воды и съел кусок рыбы. Две разные женщины существуют под одним именем: уловка Клотильды Блондель оказалась очень удачной, вот уже десять лет никто ни о чем не догадывается. Мы не напрасно проводили наше расследование, но на этом этапе перед нами встали вопросы, на которые мы пока не нашли ответа. Я наскоро записал их:

– Кто на самом деле Анна?

– Откуда она приехала в Париж?

– Каково происхождение 400 тысяч евро, найденных в ее квартире?

– Кому принадлежат тела трех обгоревших трупов на фотографии и почему «Анна» обвиняет себя в их смерти?

– Почему она исчезла в тот самый момент, когда начала рассказывать мне правду о себе?

– Где она сейчас?

В который раз я машинально набрал ее номер телефона. Чуда не произошло: те же слова оператора о том, что абонент недоступен, которые я слышал уже раз сто со вчерашнего дня.

Вдруг мне в голову пришла идея.

2

Шесть лет назад, находясь по делам в Нью-Йорке, я потерял свой сотовый телефон – по рассеянности оставил его в такси. После ужина в ресторане, вернувшись поздно в отель, я не сразу обнаружил пропажу. Когда опомнился и позвонил в таксомоторную компанию, было уже поздно: какой-то пассажир, которого водитель вез после меня, обнаружил его и забрал с собой. Он, конечно, не стал звонить по номерам, записанным в памяти моего телефона, чтобы найти хозяина. Зато мне пришла в голову хорошая идея: с телефона своего агента я отправил ему эсэмэс. Примерно час спустя мне позвонили, и человек, не слишком хорошо изъяснявшийся по-английски, предложил вернуть мне мой телефон за вознаграждение в 100 долларов. Я принял его предложение, решив, что так будет проще. Встреча должна была состояться в одном из кафе на Таймс-Сквер. Но стоило мне прибыть к намеченному времени в это кафе, как я тут же получил уведомление от шантажиста, что сумма выкупа изменилась. Теперь я должен был положить 500 долларов в указанное место на Куинн. И тогда я сделал то, что должен был сделать с самого начала: рассказал о случившемся двум первым попавшимся полицейским, которых встретил, выходя из кафе. Не прошло и четверти часа, как они отследили местоположение моего мобильника через спутник, задержали похитителя и вернули мне телефон. Почему бы не попробовать провернуть то же самое с телефоном Анны?

Мало ли что могло случиться: может, она сама его отключила или разрядилась батарейка… Но ведь можно попробовать.

Мой компьютер все еще был открыт. Я спросил у официанта код, чтобы подключиться к вай-фаю, и зашел на сайт производителя ее телефона. Первый этап я преодолел без особых проблем: достаточно было вписать адрес ее электронной почты. Я легко это сделал, но споткнулся на второй ступеньке: *введите пароль*. Я не стал тратить время, перебирая наудачу возможные варианты – обычно такой трюк удается только в кино и в телесериалах, – поэтому сразу кликнул «*Забыли пароль?*». Открылось новое окно, и мне предложили ответить на два кодо-

вых вопроса, с помощью которых в целях безопасности блокируется доступ третьих лиц. Для этого надо знать, какие параметры ввела Анна для своей идентификации при выборе номера.

+ назовите модель первого автомобиля, на котором вы ездили

+ укажите первый фильм, который вы смотрели в кинотеатре

Я легко ответил на первый вопрос. У Анны в жизни был всего один автомобиль: «Мини-Купер» цвета «мороженый каштан», купленный с рук, по случаю, два года назад. Она обожала свой кабриолет, хотя и не часто им пользовалась. Когда она говорила о нем, то называла не просто «Мини» или «машина», а «мой «Мини-Купер». Поэтому я без труда заполнил первую клеточку – и был абсолютно уверен в правильности ответа.

Со вторым все оказалось сложнее. У нас с ней разные вкусы в отношении кинематографа. Мне нравятся Тарантино, братья Коэны, Брайан де Пальма, старые триллеры и юные гении категории B. Она же предпочитает более интеллектуальное кино из подборки «Телерамы»: Михаэль Ханеке, братья Дарденн, Абделатиф Кешиш, Фатих Акин, Кшиштоф Кесьлевский. Но сопоставление наших вкусов никак не продвинуло меня в этом вопросе: не так много на свете детей, которые начинают свое знакомство с кинематографом с «Белой ленты» или «Двойной жизни Вероники». Я задумался. В каком возрасте дети впервые могут пойти в кино с родителями? Свой первый раз я помню очень хорошо: лето 1980-го, «Бэмби» в кинотеатре «Олимпия» на улице Антиб в Каннах. Мне пришлось притвориться, что соринка попала в глаз, чтобы скрыть слезы, когда умирала мать бедного олененка. Черт бы побрал этого Уолта Диснея.

Анне сегодня двадцать пять лет. Если, допустим, она посмотрела свой первый фильм в шесть лет, то это случилось в 1997-м. Я заглянул в «Википедию», и один фильм, вышедший в том году, бросился мне в глаза: «Титаник». Он имел планетарный успех. Все девчонки в те времена, должно быть, с ума сходили по Лео и упрашивали своих родителей пустить их в кино. Мне показалось, что я нашел ответ. Сгорая от нетерпения, я впечатал название фильма в нужную клеточку и стал ждать ответа…

«Неверный ответ. Вы указали для кодировки другое название. Перепроверьте информацию и попробуйте еще раз».

Очень жаль! Я, видимо, поторопился с ответом. Теперь мне осталось всего две попытки, прежде чем система блокирует доступ.

Я не спеша стал раскладывать все по полочкам: мы с Анной принадлежим к разным поколениям. Она, вероятно, могла попасть в кинотеатр раньше, чем я, но в каком же возрасте?

Гугл меня спасет. Я напечатал в поисковике: «В каком возрасте вести детей в кино?» Ответ не заставил себя ждать – 12 страниц, сотни ссылок. В основном, конечно, родительские форумы и странички для женщин. Я открыл на выбор несколько сайтов и среди разнообразия мнений нашел консенсус: в два годика – рановато, а в три-четыре – можно попробовать.

Назад в «Википедию»: 1994 год. Анне три года, и родители могли повести ее на «Король-Лев», самый известный в те годы полнометражный мультик, и как раз для этого возраста.

Новая попытка… и опять неудача.

Черт! Все возможности исчерпаны. Права на ошибку больше нет. Зря я надеялся легко решить проблему. Игра казалась легкой только с первого взгляда, но слишком много возможных решений, слишком много параметров, которые надо учитывать. Нет, никогда я не отгадаю пароль, придуманный Анной…

Ладно, попробую в последний раз. В 1995 году ей исполнилось четыре. Я закрыл глаза и представил себе, какой она могла быть в этом возрасте. Воображение нарисовало мне маленькую девочку-смуглянку с тонкими чертами лица, изумрудными глазами, нежным, трогательным взглядом и застенчивой улыбкой. Вот она идет в кино в первый раз в своей жизни. Родители ведут ее на… Еще один взгляд в онлайн-энциклопедию. В тот год сеть взорвал гениальный мультик «История игрушек». Я напечатал ответ и занес палец над кнопкой «Enter». Последний раз закрыл глаза, чтобы представить себе ситуацию. Девчушка еще стояла перед моим мыслен-

ным взором: черные косички, джинсовый комбинезончик, разноцветная маечка, аккуратные маленькие ботиночки. Она улыбается, она довольна. Отчего? Оттого, что родители ведут ее на «Историю игрушек»? Это как-то не очень вяжется с образом Анны, которую я знаю. Я стер название фильма и вернулся к размышлениям. Рождество 1995 года. Анне почти пять лет. Она в первый раз собирается пойти в кинотеатр, но фильм выбирает сама. Она ведь уже большая, умненькая и самостоятельная девочка и точно знает, чего ей хочется. Какой же мультфильм мог ей понравиться, в каком она могла найти героиню, на которую хотела быть похожей, чтобы с ней познавать жизнь? Я опять просмотрел список фильмов того времени, имевших большой успех, стараясь представить себе мир глазами маленькой девочки. Ну конечно! «Покахонтас». Индианочка из племени поухатанов, дочь вождя, которой диснеевские художники придали сходство с Наоми Кэмпбелл. Меня охватила нервная дрожь. Еще до того, как я ввел магическое слово из десяти букв, я был уверен, что угадал. Дадут ли мне ее пароль? *Да!* На этот раз все прошло замечательно!

Я ввел необходимые данные в программу спутниковой системы отслеживания местонахождения телефона с ее номером. Не прошло и полминуты, как на моем экране замигал голубой маячок.

3

У меня дрожали руки. Сердце колотилось. Не зря я упорствовал! Пришло сообщение, что телефон Анны находится вне зоны досягаемости, но система в течение 24 часов хранит сведения о его последнем местонахождении. *Ох уж это ненавистное очарование глобальной слежки…* Я определил по карте место, где мигал маячок, – на Сене, в районе Сен-Дени. На первый взгляд – индустриальная зона к северо-востоку от Парижа, где-то между Стейс и Олнэй-су-Буа.

Я тут же послал эсэмэску Карадеку: «Ты еще далеко?» Он сразу ответил: «Бульвар Сен-Жермен, а что?» – «Дуй ко мне быстрей! Я напал на след».

В ожидании Марка я сделал копию страницы и записал адрес: улица дю Плато, Стейс, Оледофранс, потом зашел на сайт «Географическая карта, съемка со спутника», ввел этот адрес и максимально увеличил изображение. С такой высоты здание, которое меня интересовало, походило на гигантскую бетонную коробку на фоне целинной земли.

В несколько кликов мне удалось точно определить, что это за объект. Оказалось – мебельный склад. Я закусил губу: складское помещение на окраине города, вдали от людных мест – этот факт не предвещал ничего хорошего.

Издалека послышался долгий автомобильный сигнал, больше похожий на рев раненого слона. Мне показалось, что терраса вздрогнула и столики на ней закачались.

Я оторвался от экрана, поднял голову, положил на стол две купюры, сгреб в охапку свои вещи и запрыгнул в старенький «Рейнджровер» Карадека, выкатившийся на площадь со стороны улицы Деламбр.

6
Riding with the King[9]

Жизнь иногда поворачивает на 180 градусов, и когда она так делает, это называется крутой вираж.
Стивен Кинг

1

Дорога все не кончалась. Сначала Инвалиды, переезд через Сену, подъем по Елисейским Полям; потом порт Майо, окружная, затем длинная магистраль, «Стад де Франс» и, наконец, автострада, петляющая между Ла Курнев, Сен-Дени и Стейс.

Даже при ярком солнце пригород казался безрадостным, как будто небесный свод изменил цвет и потерял блеск, постепенно утратив сияние, приспосабливаясь к унылой череде небогатого жилья, веренице безликих домов, лишенных индивидуальности, выстроившихся вдоль улиц, названия которых воспевали конец эпохи строительства коммунизма: имени Ромена Роллана, Анри Барбюса, Поля Элюара, Жана Ферра…

Карадек нервничал за рулем, дорога его раздражала. Несмотря на белую сплошную, он обогнал фургон, тащившийся с черепашьей скоростью. Но не тут-то было! Огромный черный мастодонт тут же ускорился, встал перед нами и, высунув из окна свирепую морду, крикнул что-то злобное. Мы едва не въехали в него сзади; Марку пришлось свернуть на обочину, и он не удержался от крепкого слова.

Бывший полицейский теперь не сомневался в том, что мы найдем Анну. Я видел, как он дрожит от злости и нетерпения, и понимал, что Марк, так же как и я, теряется в догадках по поводу обнаруженных в ходе расследования новых данных.

В дороге, пока было время, мы поделились друг с другом добытой информацией. Нам многое удалось узнать, но, несмотря на неожиданные открытия, расследование пока лишь рисовало нам портрет молодой женщины, исчезнувшей средь бела дня. Была ли она жертвой или виновником трагедии? Ни Карадек, ни я не знали ответа.

«Сыщики не справились бы лучше», – так он сказал, поздравив меня с тем, как ловко я вычислил местонахождение ее мобильного телефона. Я чувствовал, что он верит в новую версию и мы идем по верному следу. Марк вел машину на полной скорости, внимательно следя за дорогой, жалея только о том, что у него нет, «как в былые времена», сирены и мигалки на крыше.

Экран навигатора показывал, что нас отделяет от пункта назначения всего лишь несколько километров. За окном автомобиля мелькали бетонные коробки, панельные дома с облупившейся штукатуркой, общественные постройки, сооруженные не так давно, но уже убогие и покосившиеся. После того как мои родители разошлись, мы с мамой покинули Лазурный Берег, поселившись в небогатом пригороде Парижа. Вся моя юность прошла в таких же трущобах. Теперь каждый раз, оказавшись там проездом, я мучаюсь от ощущения, что так и не выбрался оттуда окончательно.

Зеленый, желтый, красный. Карадек, не обращая внимания на светофор, проскочил, как говорится, на розовый и втиснулся в вереницу машин в круговом движении. Потолкался, потом свернул на дорогу, которая заканчивалась тупиком, но именно он нам был и нужен. В конце

[9] Riding with the King («Поездка с королем») – знаменитый студийный блюзовый альбом Эрика Клэптона и Би Би Кинга, изданный в 2000 г.

располагался железобетонный куб в четыре этажа – цель нашего путешествия. Здание принадлежало фирме «Бокс Попули», «вашему надежному специалисту в деле хранения мебели».

Марк оставил автомобиль на полупустой стоянке, представляющей собой длинную заасфальтированную ленту, протянувшуюся вдоль пустыря, заросшего выгоревшими от солнца папоротниками.

– У нас есть план? – спросил я, вылезая из машины и разминая ноги.

– Вот он, наш план, – ответил Карадек, потянувшись к бардачку за своим пластиковым «глоком-19». Он не только не вернул свое удостоверение, но и оставил при себе служебный пистолет. Терпеть не могу огнестрельное оружие, и даже в этот рискованный момент не готов отказаться от своих принципов.

– Я серьезно, Марк.

Он вышел из машины, хлопнув дверцей, и сделал пару шагов по расплавленному асфальту.

– Поверь моему опыту, в подобных ситуациях лучший план – отсутствие плана.

Карадек засунул свой полуавтоматический пистолет за пояс и решительным шагом направился к блокгаузу.

2

Балет автопогрузчиков и грузовых тележек. Тяжелый запах сгоревшего картона. Хореографические па контейнеров на колесах и элеваторов. Мы оказались на первом этаже, в зоне, где сложные механизмы осуществляли разгрузку и перемещали тяжести на бетонную платформу.

Карадек постучал в окно конторки, расположенной у входа, откуда осуществлялось руководство процессом.

– Полиция! – крикнул он, размахивая своим удостоверением.

– Черт! Как же вы меня напугали! Не прошло и пяти минут, как я вам позвонил, – воскликнул коротышка, расположившийся внутри кабинки за металлическим столом.

Марк повернулся ко мне с выражением полного недоумения на лице, но его взгляд говорил: «Не вмешивайся! Я сам разберусь».

– Патрик Эйяш, – представился работник, выходя нам навстречу. – Я тут управляющий.

Эйяш, крепкий, приземистый мужичок с квадратным лицом в ореоле курчавых волос и веселым взглядом, говорил с чудовищным алжирским акцентом. Его расстегнутая на груди пижонистая рубаха позволяла заметить массивную золотую цепь на шее. Если б я решил сделать его героем своей книги, ему досталась бы роль комического персонажа.

Я молчал, предоставив Марку возможность взять ситуацию под контроль.

– Рассказывайте, что тут у вас произошло.

Эйяш жестом пригласил нас следовать за ним. По узкому проходу, предназначенному для служебного пользования, мы подошли к платформе, где батареей выстроились кабинки грузовых лифтов. Когда дверь одной из них открылась, Эйяш пропустил нас вперед, зашел сам и нажал на последний этаж. В кабинке он разговорился:

– Я такого раньше никогда не видел!

Пока мы поднимались, я успел заметить на этажах бесконечные ряды деревянных боксов, заполненных опломбированными контейнерами.

– Сперва нас насторожил жуткий шум, – продолжал он. – Показалось, что над головой проходит автострада и там столкнулись десятки машин, такой стоял грохот и скрежет железа!

Лифт остановился на площадке с кафельным полом.

– Здесь этаж самообслуживания, – пояснил Эйяш, ведя нас за собой. – Клиенты сами выбирают бокс размером с большой гараж и могут хранить здесь что хотят. У них есть доступ сюда в любое время.

Управляющий говорил быстро и так же быстро семенил короткими ножками по пластиковому полу. Нам с трудом удавалось за ним поспевать. Коридор, поворот, следующий коридор. Все похожи один на другой как две капли воды. Тоскливая череда одинаковых боксов.

– Это здесь, – заявил он, резко остановившись, указывая на один из них с изуродованной дверью, вскрытый, как консервная банка.

Помещение охранял седовласый негр – белая рубашка поло, куртка цвета хаки, бейсбольная кепка с козырьком.

– Его зовут Пап, – представил нам охранника Эйяш.

Я отодвинул Карадека в сторону и подошел поближе, чтобы взглянуть на причиненный ущерб.

Вид был ужасный. От железной двери почти ничего не осталось. Обе тяжеленные створки висели на петлях, гальванизированная сталь смята и изодрана в клочья, как лист бумаги. Даже двойной засов не спас от лобовой атаки – его вырвали с корнем, а звенья разорванной пополам железной цепи валялись на полу.

– Кто это так постарался? Танк, что ли?

– Хорошо сказано! Так все и было! – воскликнул Пап. – Огромный внедорожник протаранил складские ворота на въезде, поднялся сюда по пандусу и стал бить в двери бокса, пока те не развалились. Прямо как бронемашина.

– Видеокамеры все зафиксировали, – заверил Эйяш, – я покажу вам запись.

Я перешагнул через груду искореженного металла, вошел в бокс и оказался на площадке в двадцать квадратных метров в ярком свете лампы без абажура. У задней стены от пола до потолка – металлический стеллаж из сварных опор. Пусто, за исключением двух баллончиков на полу. Один – черный, другой – белого цвета, похожие на термосы, к которым вместо отвинчивающейся крышки приделан аэрозольный распылитель; металлический корпус обкручен веревкой, пластмассовая крышка, примотанная изоляционной лентой, недавно вскрыта.

Кого-то здесь насильно держали взаперти.

Возможно, это была Анна.

– Ты чувствуешь запах? – спросил меня Марк.

Я кивнул. С самого начала, как только вошел в бокс, я обратил внимание на эти вонючие испарения, заполняющие помещение. Их природу было трудно определить: смесь жареного кофе и мокрой после дождя земли.

Марк присел на корточки, чтобы поближе рассмотреть аэрозольные баллончики.

– Ты знаешь, что это?

– Позволь тебе представить: «Эбони энд Айвори», – озабоченно ответил он.

– «Черное и белое», как название песни Пола Маккартни и Стиви Уандера?

– Вот именно. Это кустарная смесь на основе синтетического вещества, которое применяют в больницах. Эта жидкость способна полностью смыть следы ДНК, оставшиеся на месте преступления. Очевидно, работали профессионалы. Нужная вещь для невидимки.

– А зачем два флакона?

Он показал на черный баллончик:

– Это сверхмощный детергент, способный уничтожить восемьдесят процентов ДНК. – Потом перевел указательный палец на белый флакон: – А этот способен модифицировать структуру оставшейся части. Короче говоря, перед тобой уникальный препарат, благодаря которому весь научный корпус полиции всех стран может смело подавать в отставку.

Я вышел из бокса и направился к Эйяшу.

– Кто снимал этот бокс?

Смуглый управляющий развел руками.

– Никто. Он уже восемь месяцев стоял пустой!

К нам присоединился Карадек:

– Что еще вы нашли в гараже?

– Ничего, – поспешно ответил Пап.

Полицейский глубоко вздохнул и медленно выпустил воздух из легких. Не торопясь, со спокойным видом он подошел к Патрику Эйяшу и открыл было рот, будто собираясь сказать ему что-нибудь угрожающее, но вместо этого вроде бы дружески положил руку ему на плечо. А потом неожиданно, за пару секунд, его пальцы оказались на шее смуглого коротышки. Одной рукой сжимая его шею, он надавил большим пальцем на горло так, что управляющий стал задыхаться, не имея возможности освободиться из стальных клещей. Я застыл на месте, потрясенный столь внезапной жестокостью. Видимо, Карадек хотел взять его на пушку, хотя мне казалось, что охранники говорят чистую правду. По крайней мере, я так думал до тех пор, пока Эйяш не поднял руки вверх, прося пощады. Марк ослабил хватку, чтобы дать управляющему возможность говорить, но руку с его шеи не убрал. Тот, не до конца опомнившись от шока, но с пафосом, чтобы сохранить лицо, прохрипел:

– Клянусь, там больше ничего не было, кроме еще двух предметов. И я их сохранил у себя в кабинете.

3

«Своим кабинетом» Эйяш называл маленькую каморку, уставленную мониторами с черно-белым изображением, куда стекалась информация с камер видеонаблюдения.

Управляющий уселся за письменный стол, выдвинул один из ящиков и достал оттуда два упомянутых трофея.

– Мы нашли их на полке стеллажа, в углу, – уточнил он.

Среди представленных предметов был мобильный телефон Анны. Я тут же узнал его по стикеру Красного Креста на корпусе.

Эйяш, сама любезность, предложил мне свое зарядное устройство, но от него не было толку, так как экран мобильника оказался разбит. Не просто трещина, как бывает, когда телефон случайно падает на асфальт. Нет, тут кто-то очень постарался, специально, каблуком раздавив экран вдребезги.

Другой предмет был подороже – ее сумочка в виде блестящей ящерицы, украшенная розовыми стразами. Один из моих первых подарков Анне. Она носила ее с собой днем и ночью. Сумочка была с ней, когда мы вышли из ресторана. Я расстегнул ее, чтобы осмотреть содержимое. Ничего примечательного: бумажник, связка ключей, упаковка бумажных салфеток, фломастер, солнечные очки.

– Я включил вам видеозапись! Вот! Посмотрите на эту бойню!

Эйяш набрался сил и уже не мог спокойно усидеть на месте. Как в американском кино, он стал изображать из себя великого и могучего повелителя картинок: ускорял и замедлял изображение, увеличивал кадр, отматывал назад, останавливал запись.

– Прекрати суетиться, – сердито сказал Марк, потеряв терпение. – Оставь пульт в покое.

Едва мы начали просмотр, как нас охватил ужас: за тонированными стеклами еле прорисовывался могучий силуэт бодибилдера, со вздутыми, готовыми лопнуть мускулами.

Мы обменялись взглядами: это тот самый внедорожник, который чуть не врезался в нас.

Первые кадры запечатлели момент, когда он на скорости сносит шлагбаум на въезде в пакгауз и направляется к пандусу, ведущему на верхние уровни. Другой кадр видеозаписи поймал его уже на последнем этаже.

– Стоп! – скомандовал Карадек.

Эйяш остановил запись. Я присмотрелся, чтобы определить модель внедорожника: «БМВ Х6», помесь вездехода и купе. Один мой приятель, автор детективов, приобрел себе такой, когда у него родился второй ребенок. Он тогда был на седьмом небе и с гордостью говорил мне о его «достоинствах»: весом почти в две тонны, пять метров в длину и больше полутора метров в высоту. Тот экземпляр, что я видел на экране, казался еще более мощным и грозным благодаря двойному хромированному бамперу, тонированным стеклам по всему периметру и скрытым номерным знакам.

Марк сам нажал на кнопку пульта, чтобы возобновить просмотр видеозаписи.

Водитель за рулем монстра прекрасно знал, зачем приехал сюда. Он без колебаний добрался до нужного этажа, развернулся и встал перед боксом, как раз под камерой. В объектив регистратора попал только краешек его капота и дальше десяток боксов вдоль по коридору. Потом… мы больше ничего не увидели.

– Сукин сын, он развернул камеру, – произнес Карадек сквозь зубы.

Невезуха. Этот тип – впрочем, как знать, может, это была женщина или другой человек, если в машине сидели несколько, – специально развернул камеру так, чтобы направить объектив на стену. Теперь мы видели на экране только грязно-серый снежок от стенной штукатурки.

От злости Карадек стукнул кулаком по столу, но Эйяш, словно волшебник, показал нам еще один фокус.

– Покажи им свой телефон, Пап!

Негр уже держал наготове свой аппарат, при этом у него на лице расплылась широкая улыбка.

– Но я-то все снял на свой мобильник! Старый Пап хитрее, чем вы…

– Дай сюда! – крикнул Марк, выхватив телефон у него из рук.

Несколько манипуляций с кнопками, и он запустил запись. Но, к нашему разочарованию, качество оказалось ниже среднего: картинка темная и нечеткая. Благоразумный Пап на всякий случай держался от нас подальше. Мы скорее догадывались о происходящем, чем наблюдали за деталями действия, происшедшего на глазах у чернокожего сторожа. Но даже в общих чертах все это было ужасно, грубо и жестко. Внедорожник со страшным грохотом разнес входную дверь, после этого из машины вылез человек в капюшоне, скрылся в боксе и минуту спустя вышел, неся на плече, как мешок, согнувшуюся пополам Анну. Подозревая, что это никак не рыцарь на белом коне, явившийся освободить ее из плена, она кричала и отбивалась как могла. Человек, не обращая на это никакого внимания, открыл капот машины и бесцеремонно кинул туда девушку. Заглянув на секунду в салон, он забрал оттуда два баллончика с аэрозолем и вернулся в бокс, чтобы замести следы. Видеозапись остановилась как раз в тот момент, когда внедорожник рванул с места по направлению к выезду из пакгауза.

Марк решил посмотреть все сначала, надеясь обнаружить на записи что-нибудь, что могло ускользнуть от внимания после первого просмотра, поставив звук на максимум. Страшная сцена еще раз промелькнула перед глазами: грозный внедорожник штурмует бокс, где сидит взаперти Анна. В тот момент, когда он бросил девушку в багажник, я напряг слух, и мне послышалось, что она зовет меня на помощь.

– Рафаэль! Спаси меня! Помоги, Рафаэль!

4

Дверцы автомобиля захлопнулись. Машина откатилась назад, развернулась и дернулась с места. Карадек резко нажал на газ, оставив на асфальте черный след от протектора. Ускорением меня прижало к креслу. Я пристегнул пояс безопасности, рассматривая в зеркало заднего вида, как дергается от неровной езды и удаляется от нас железобетонная коробка мебельного склада.

Я был сильно встревожен – беспокойство за Анну доводило меня до крайности. В ушах стоял ее голос, призывающий на помощь, и я с замиранием сердца представлял себе, что она чувствовала в тот момент. Единственное, что вселяло уверенность, – так это ее надежда, что, несмотря на весь кошмар положения, я смогу ей помочь.

Пока Марк жал на газ, чтобы поскорее выехать на магистральную трассу, я постарался привести в порядок мысли. Были моменты, когда отчаяние овладевало мной и мысли путались в голове. Я был совершенно сбит с толку: за сегодняшний день нам открылось столько всего нового, но мне не удавалось уловить связь между этими событиями и тем более уяснить их смысл.

Я пытался взять себя в руки. Итак, в чем я могу быть абсолютно уверенным? Есть кое-что, даже если с первого взгляда факты не кажутся неоспоримыми. После того, как мы поссорились, Анна, скорее всего, вылетела из Ниццы и вернулась в Париж. К часу ночи она оказалась в Орли. Заехала к себе домой, о чем говорит наличие ее сумки в квартире, а затем на такси отправилась в Монруж. А потом? Почти с уверенностью можно считать, что она призналась кому-то в том, что накануне показывала мне фото с тремя трупами. Но кому и зачем? Я не знал ответа, но догадывался, что после этого все пошло прахом. Кто-то посетил ее в ее квартире, там состоялся разговор, который, по всей видимости, перерос в ссору. Визитер похитил ее и спрятал на какое-то время на мебельном складе в пригороде, на севере Парижа. Потом какой-то тип на танке взламывает дверь бокса, где удерживали бедную девушку, но не для того, чтобы освободить ее из плена, а чтобы перевезти в другое тайное место.

Я вытер пот со лба, потер глаза и открыл окно, чтобы глотнуть свежего воздуха. Я по-прежнему блуждал в темноте. То, что я представлял себе, находилось не так далеко от истины, но многих фрагментов пазла для полной картинки все еще недоставало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.